

ГАЛИНА РОМАНОВА

ПРЕСТУПНО СЧАСТЛИВАЯ

Детективная мелодрама

Галина Романова

Преступно счастливая

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

Преступно счастливая / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2016 — (Детективная мелодрама)

ISBN 978-5-699-92427-1

Все слишком запуталось, и довериться мудрой судьбе уже не получится. Жених объявляет Ирине, что изменил, подруги, те, что еще вчера считали ее незаслуженно счастливой, сбегаются поглядеть на чужое несчастье. Неужели и ее отец, уважаемый бизнесмен, может быть не тем, за кого себя выдает? Заблудившимся на пути от нежности к ненависти, им остается только насилие – универсальный ключ, открывающий любые тайны прошлого... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92427-1

© Романова Г. В., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	30
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Галина Романова
Преступно счастливая

© Романова Г. В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

– Какие у них там преступники все сговорчивые.

Александр Волков тихо рассмеялся и устроил подушку удобнее под головой. И тут же добавил еще тише:

– Или дураки... Что встречается, но не часто.

– Са-а-а-ша! – возмущенным шепотом откликнулась жена со своей половины кровати. – Выключи телевизор! Щас по башке получишь!

– Да погоди ты! Хочу досмотреть.

– Что там смотреть, ну что там смотреть?!

Жена со вздохом заворочалась. Перекатилась с бока на спину. Уставилась на экран, сонно моргая.

– Что ты смотришь? – Она широко зевнула. – Тебе этого на работе не хватает?

– На работе так не бывает, детка. – Волков кисло улыбнулся экрану. – Так колоть, с такой легкостью, даже идиотов не получается.

– Да ладно! У тебя и не получается? Не верю! – Она повернулась к нему, пододвинулась ближе, положила руку ему на грудь, погладила. – Ты же у меня умнейший в городе сыщик, Волков. Все это знают. Начальство ценит, бандиты боятся. Ты авторитетный малый у меня, Волков.

И жена звонко приложила губами к его плечу.

– Ага, авторитетный. – Он нашел ее ладошку, поцеловал. – Сейчас мой авторитет несколько поблек, дорогая.

– Чего это? – пробормотала она невнятно, она почти спала.

– Сейчас преступник стал таким изворотливым, таким изобретательным, что... Лично у меня мыслить, как он, не всегда получается. И это худо.

Жена не ответила. Она уснула.

– И это худо, – повторил для себя Волков, нащупал на прикроватной тумбочке пульт, выключил телевизор.

В спальне стало очень тихо. С улицы сквозь наглухо закрытые окна не проникало ни звука. Это было его требование. Спать он желал в абсолютной тишине. Звуки заполняли его жизнь с раннего утра. И раздражали.

Резкий визг микроволновой печи. Сердитое фырканье кофейной машины. Шум льющейся воды в душе. Громкое хлопанье дверей – семья просыпалась. Смех, крики детей. Возмущенные возгласы жены Анны, когда кто-то опаздывал. Потом они все уходили, и наступала относительная тишина. Если не считать звуков проснувшегося города за окнами, гудения лифта в подъезде, лая собак во дворе, то становилось относительно тихо.

И тогда Волков замирал. Сидел, не двигаясь. Смотрел на остывающий перед ним в тарелках завтрак. На недовольно ежившуюся молочную пенку в кофейной чашке. И не двигался. Он любил тишину. Она всегда бывала ему в помощь. Так легче думалось.

А подумать ему было над чем.

Он не знал, что станет докладывать сегодня на утреннем совещании по последнему несчастному случаю, который он неосторожно отнес к разряду криминальных.

– Ну, считаешь, что это не несчастный случай, работай, Волков, работай, – нехотя кивнул полковник Грибов. И тут же погрозил пальцем. – Полагаюсь только на твою интуицию, Саш. Пока наверх сообщать ничего не стану. Но у тебя только два дня, ты это понимаешь, так?

Волков тоже кивнул. Он понимал. Он не понимал другого: как можно было заставить крепкую, не старую еще женщину принять лошадиную дозу снотворного, а потом влезть в ванну, полную воды. Как?!

Эксперты не обнаружили ни единого следа присутствия посторонних лиц в квартире. Не было совершенно никаких насильственных действий. То есть никто не заставлял ее принимать пилюли, не держал за горло, не разжимал ей рта. Никто не подталкивал в спину и не помогал влезать в ванну. Никто не дергал и не держал ее за щиколотки, чтобы ее лицо погрузилось в воду и женщина захлебнулась. Ни синяка, ни ссадины, ничего!

Но тем не менее он был уверен, что это убийство.

– Откуда такая уверенность, майор Волков? – лениво улыбался его коллега Сергей Геннадьевич Гришин. – Все же ясно, без дураков, чего велосипед изобретать?

– Я ничего не изобретаю, – недовольно морщился Волков. – Я пытаюсь докопаться до истины.

– О! Я помню! Истина для нас всего дороже!

Узкие глаза Гришина тут же превращались в щелки. И из этих щелей в сторону Волкова обычно поддувало холодом. А может, он ошибался? Может, Гришин просто издевался? Или шутил? Но все время с чего-то Волкову казалось, что коллега его тайно ненавидит. Или завидует? Оттого, наверное, и не вышло у них дружбы. И еще оттого, что Гришин попытался приударить однажды за его женой. И Волков ему чуть в зубы не дал. Даже не ожидал от себя. Не ожидал, что способен на такую ревность. Чувство оказалось новым, необжитым, очень сильным и опасным. И еще неконтролируемым. А Волков привык к тому, что всегда себя контролировал. Всегда!

Видимо, и поэтому еще Гришин не пополнил ряды его друзей. Еще и поэтому...

Все сегодня пошло так, как он и ожидал. Дело пришлось закрыть за отсутствием состава преступления. Он даже спорить не стал. Доказательств нет.

– Ты же понимаешь, майор. – Грибов после совещания беспомощно развел руками. – Дело безнадежно. Станет висеть.

– Понимаю.

– Вот и я понимаю.

Грибов встал с места. Прошелся по кабинету от своего рабочего кресла до окна, потом обратно и снова к окну. Потюкал пальцем по стеклу:

– Скоро весна, Саша. Хорошо.

– Да, – вежливо поддакнул Волков. – Но мы же с вами понимаем, товарищ полковник, что это убийство.

– Возможно, ты прав, – осторожно отозвался Грибов после минутной паузы, покосился на подчиненного. – Возможно, ты и прав. Но наша с тобой уверенность ничего не стоит без доказательной базы.

– Так точно, – кисло улыбнулся Волков.

– Не нашлось ни одного человека, который бы указал нам на мотив, достаточный для того, чтобы желать этой даме смерти. Ни одного мотива, майор! – И Грибов стукнул по стеклу уже настойчивее. – Она давно оформила квартиру на свою племянницу. Племянница обеспечена выше некуда, и теткина квартира ей совершенно не нужна. Сама потерпевшая давно на пенсии.

– Так точно.

Это Ветров сам проверил. И уверен был на сто процентов, что племянница не убивала свою тетку.

– К тому же племянница эта сама сомневается в том, что произошедшее – несчастный случай, не так ли?

– Так точно, товарищ полковник. Она утверждает, что ее тетя никогда не принимала сильнодействующее снотворное. Его у нее даже не было в аптечке. Она обладала отменным здоровьем.

– Да, да, помню, спала, как лошадь, и без снотворного! – фыркнул Грибов, вспомнив эпатажную племянницу.

Та явилась в отделение полиции в невероятно узких джинсах, это при ее-то девяноста килограммах. В сапогах со шпорами, которыми она цеплялась за ножки стула, на котором сидела перед Волковым. Ее странно покрашенные глаза без конца удивленно на него тарачились. А яркие губы постоянно кривились от недоверия по поводу версии о самоубийстве.

– К тому же тетка ее никогда не принимала на ночь ванну. Любила плескаться с утра после пробежки. Заметь, Волков, после пробежки! Это в шестьдесят-то пять лет! С вечера уснуть без задних ног. С утра на стадион, потом в душ. В ее годы. Позавидуешь такому здоровью! Н-да... – Грибов вдруг поник, опустил голову и пробормотал едва слышно: – А все равно не сберег Господь. Вот судьба она...

Волков молча сидел на том самом месте, на котором отсидел все совещание и на котором Грибов велел ему пока оставаться. Что-то полковник недоговаривает, решил Волков после очередной минуты тишины.

– В общем, так, майор. – Грибов вернулся на свое место, уткнулся взглядом в стол. Вид у него был какой-то странно нахохлившийся. – Как ты уже понял, дело мы закрываем за отсутствием состава преступления. Не убийство, не самоубийство и так далее. Несчастный случай. Понял меня?

– Так точно, товарищ полковник.

Волков насторожился. Это было вступлением. Что дальше?

– Но...

Грибов поднял на него упрямо-сердитый взгляд. И тут же потыкал пальцем воздух рядом со своим левым ухом:

– Но эта версия для них. Для отчетности и так далее. Мы-то с тобой понимаем, что имеем дело с очень опасным, очень хитрым и изобретательным врагом.

– Понимаем. – У Волкова вырвался вздох облегчения.

– Как-то он ее заставил проглотить полпачки снотворного. Как, майор?! Он что, гипнотизер? Я в них не верю! И не верил никогда! Но он ее заставил. Потом заставил пойти в ванную комнату, открыть воду и влезть в ванну.

– Она перед этим разделась, – напомнил Волков.

– Что?

– Он ее еще заставил раздеться, товарищ полковник.

– Вот именно! – возмутился тот. – Тетка была здорова, как лошадь, уснуть была способна, прислонившись к косяку. А тут снотворное! Ванну принимала утром, а тут с вечера залезла в воду. И разделась, майор! Перед кем, не стесняясь, она могла раздеться?! Она же...

– Ненавидела мужчин, – подсказал Волков.

– Именно!

– Считаете, убийца женщина?

– Не знаю. Но кто бы это ни был, он страшно умен. И отвратительно циничен. И знаешь, чего я больше всего боюсь, майор?

Он должен был сказать: никак нет. Но вместо этого коротко кивнул и произнес:

– Это только начало.

– Все-то ты знаешь, Волков! С тобой даже скучно!

Грибов мягко улыбнулся. Погладил себя по волосам – густым, черным, без намека на седину. Погрозил ему шуливо пальцем:

– Поэтому воспринимай мои дальнейшие слова, как эхо своих мыслей, майор Волков... В общем, дело-то мы с тобой закрыли, но... Но в памяти должны хранить все мельчайшие детали. Все до единой! Первое – это снотворное. Что ты о нем узнал?

– Отечественный производитель. Отпускается без рецепта. Запустили в производство не так давно.

– А точнее?

– Три года назад.

– Так... Купить можно везде.

– Так точно. Но я узнавал у провизоров, товарищ полковник. Пользуется им не так уж много людей. Предпочитают зарубежный аналог, у которого побочных эффектов меньше. Но он отпускается по рецепту.

– Ты что-то предпринял в этом направлении? Невзирая на закрытие дела, предпринял? – спросил с надеждой Грибов.

– Так точно. Мои помощники за две недели обошли все аптечные точки города и попросили их сотрудников взять на заметку всех, кто покупает это лекарственное средство. Это ведь не аспирин. Его редко берут.

– Именно, майор!

– Результат будет не скоро.

– Мы это с тобой понимаем. И мы не торопимся. Это нам с тобой нужно не для дела, которого нет. А для... – Грибов подыскивал нужные слова, пощелкивая пальцами. – А для тайного, так сказать, досье на преступника, о котором нам пока известно что?

– Что он очень хитер, изобретателен, осторожен.

– И, возможно, обладает способностью каким-то образом подавлять волю. Но это я так, мыслю просто. Вполне возможно, что он запугал пожилую женщину до обморока. Н-да... Слушай, Волков, точно в ее прошлом ничего нет? Никаких темных пятен? Ничего такого, что могло бы натолкнуть нас на мысль о мести?

– Если и было что-то, то ее близким людям об этом ничего не известно.

– А не близким людям?

Грибов вдруг посмотрел на часы, потом перевел взгляд на календарь, где красным передвижным квадратиком был отмечен день. Уже середина февраля.

– Ты вот что, Волков, поезжай-ка снова к племяннице. И стребуй с нее трудовую книжку утонувшей тетки. Телефонную книжку, записную, все известные ей контакты. И со всем этим ко мне сразу. Но только, майор, тихо! Очень тихо! Сам понимаешь, что задание это для тебя факультативное. Что сведения эти нам нужны не для расследования, а для чего?

– Для сбора информации.

– Правильно. Вдруг потом, не дай бог, кто-то еще неосторожно захлебнется? Вдруг в личных контактах найдется совпадение? Всех людишек на карандаш, майор. И сразу ко мне. Да, и это, Волков... – Грибов неуверенно улыбнулся, прикладывая палец к губам. – Никому, понял?

– Так точно.

Александр наконец полез из-за стола.

– Особенно Гришину! – Полковник плотнее прижал палец к губам. – Нам же с тобой известно, что его сильно заводит, когда ты выполняешь мои особые поручения. Так? Понял?

– Понял, товарищ полковник. Разрешите идти? Действовать.

– Разрешаю... И идти, и действовать, майор.

Глава 2

– Прикинь, сегодня совершенно случайно слышал в новостях, что Вера Степановна была найдена мертвой.

Белобрысая, коротко стриженная голова Игоря Малышко вынырнула из-за монитора. Бледно-серые глаза уставились на Богдана. Ни вопроса, ни азарта, ничего. Совершенно никаких чувств не выражали глаза коллеги! Как у рыбы, подумал Богдан с раздражением. Ему всегда бывало неприятно, когда Игорь тарасился на него, как теперь – без выражения.

– А ты слышал? – не думал униматься Малышко. – Вера Степановна была найдена мертвой в собственной квартире!

– Не слышал, – пришлось отозваться, не отстанет ведь. – А кто это?

– Здравсте! – фыркнул Игорь.

Выкатился в кресле к краю стола. Поставил локти на столешницу, положил на сцепленные замком пальцы острый подбородок. Ясно! Собрался трепать языком. Это занятие он очень любил. Как, собственно, и любые другие, не связанные с работой. И кофе вам сварит, и за пирожными сбегает, и комплексный обед доставит, лишь бы не копаться в бумагах, не просматривать договоры, не обзванивать клиентов. Готов взяться за любую движуху, не касающуюся работы.

Богдан не понимал. Зачем тогда пришел сюда? Предупреждали же, что работать придется за троих. Будет тяжело, да. Перед их приходом юридический отдел как раз расформировали, народ повыгоняли. И вместо пятерых, плюс начальник отдела, оставили их двоих. Они с Игорем согласились. И первое время нагрузки были просто невыносимые. Богдан даже ночевал на работе. И это первое время он почти не замечал, что Игорь отлынивает. Не до него было. Заметил, когда его немислимые нагрузки увеличились почти вдвое. Тогда он и возмутился. И поставил коллегу на место. Мягко пригрозил:

– Если не закончишь сачковать, Игорек, доложу руководству. Я один просто не смогу! Не вытяну!

Игорек перепугался и бездельничать перестал. И года полтора, может чуть больше, все было нормально. Они работали просто отлично, слаженно, результативно. И им даже помощницу в отдел посадили – милую тихую девушку с невероятно милым именем Маша.

Симпатичная, добрая, отзывчивая, она сразу понравилась Богдану. И спустя какое-то время он начал ловить себя на мысли, что в перерывах неотрывно смотрит в тот угол, где располагался ее рабочий стол. Ловит ее взгляд, ждет улыбки.

– Это ты зря, брат, – сделал однажды кислую мину Игорек Малышко.

– Что зря?

– Знаешь, чем обычно заканчиваются на этой фирме романы?

– Чем?

– Увольнением! – Игорек авторитетно покивал. – Я узнавал, дружище. Народ поговаривает, что прежний состав нашего отдела именно на этом и погорел. Вот так-то... Начальник завел роман с подчиненной, а уволили всех.

– Это ты к чему?

– Это я к тому, что из-за этой козы я не собираюсь лишаться работы. И тебе не советую. Чего ты на нее залип, не пойму! Это же не твой типаж! Ты вспомни Юльку! Там же тут и тут всего было навалом! – И Игорек принялся шлепать себя по бедрам и груди. – Какая девчонка была! А ты взял и бросил ее. А тут что? Костлявая, бледная, с косичкой. Двух слов связать не может. Мекает что-то... Коза!

Богдан ему тогда показал кулак и разговор свернул. Обсуждать Машу с Игорем он не собирался. И роман с ней заводить тоже. О порядках, царящих в конторе, он был наслышан.

Ему просто нравилось на нее смотреть, и все. Смотреть-то не возбранялось. Ну и еще голос ее нравился и смех. И то, как она работает.

Но роман с ней заводить он точно не собирался. Так он думал полгода назад...

– Здравствуй! – снова фыркнул Игорек, отвлекая его от мыслей о Маше. – Ты что, не помнишь Веру Степановну?!

– Не помню.

Богдан щелкнул мышкой, свернул документ. Важный, между прочим, документ. Ему поручили заниматься этим в обход Игоря. И премиальные солидные обещали. Тот ничего не знал. Узнает, осатанеет от зависти.

– Но как ты не помнишь Веру Степановну?! – Голос коллеги повышался. – Уборщица в школе! Эта мерзкая тетка, которая врывалась на переменах в наш туалет и ловила нас с сигаретами!

– А-а-а, вон ты о ком. Господи, я и думать забыл о том времени. Это было так давно. И уже стало неправдой.

Богдан тут же вспомнил школьные перемены, сигаретные бычки, передаваемые по кругу. Полную бесцеремонную женщину в темно-синем халате со шваброй в руках, врывающуюся в их туалет и выкрикивающую мерзкие слова. Сделалось противно, как тогда. И даже во рту почувствовал вкус горечи. И стыд обжег уши, которые долго трепал его отец. Укоризненный взгляд матери вспомнился. Та никогда не ругала, просто смотрела так, что хотелось тут же провалиться сквозь землю. Или сделаться невидимым.

– Вспомнил? – Игорек расплел пальцы, поднял руки к потолку, с хрустом потянулся. – Померла Вера Степановна, вот так-то... А не старая еще была.

– Бог с ней. Давай поработаем, а?

Богдан поморщился. Ему правда было некогда. Документ ждут к пяти вечера. А у него и конь не валялся. Еще и от Игоря надо скрытничать.

– Да ладно тебе, трудоголик. Отдохни минутку. Я сейчас кофе сделаю.

И Игорек, энергично выпрыгнув из кресла, помчался за стеклянную перегородку, где размещалась кофейная машина, кулер и шкаф с посудой. Пользуясь его отсутствием, Богдан начал печатать. Успел немало, пока Игорек кофе им готовил и трепался с девчонками из бухгалтерии, тоже явившимися за кипятком. Отвлёкся лишь однажды, когда кто-то из них произнес Машино имя. Насторожился, прислушался. Но больше о ней не говорили.

– На вот, подпитай мозги.

Игорек поставил ему на стол кофейную чашку, тут же, конечно, расплескал, едва не запачкав бумаги. Но, кажется, даже не заметил этого. Повернулся к нему спиной и зашагал к своему столу. Богдан стер кофейное пятно со стола бумажной салфеткой. Аккуратно сложил ее в несколько раз и лишь потом бросил в корзину для бумаг. Взял в руки чашку, пригубил. Все, как он любил. Крепко, сладко, горячо.

– Спасибо. Замечательно, – похвалил он Игоря.

– Стараемся, – изобразил тот фальшивую скромность и тут же рассмеялся. – Мне надо было барменом идти работать, Богдана. Тетка с дядей настояли на юридическом. А я, если честно, тухну тут.

– Не нравится? – удивился Богдан. – Ты вроде очень хотел получить это место.

– Хотел, – не стал тот спорить. – Только не я, а тетя! Я бы лучше кофе варить стал и коктейли смешивать. И с народом общаться. Знаешь, барная стойка – это почти исповедальня. Там столько секретов раскрывается, о-о-о! Стоишь себе, шейкер в руках крутишь и слушаешь, слушаешь, слушаешь... Кстати! Я тут на днях такую смесь придумал! Угощал девчонку одну, она просто пиццала. Я в этом деле мастер!

– Коктейли смешивать или заставлять девчонок пиццать?

Богдан сдержанно улыбнулся.

Его всегда поражало умение Игоря заводить знакомства. Худой и нескладный, с несимпатичным лицом и невыразительными бледно-серыми глазами, тот мог заговорить, кажется, даже с королевой. И мало заговорить, запросто мог пригласить ее поужинать, и она бы пошла, вот что странно. И отношения у него с девушками складывались легкие и необременительные. Легко сходилась, легко разбегался, быстро забывал. У Богдана так не выходило. У него все и всегда заканчивалось сложно. Начиналось, к слову, так же.

– Слышал, наша Маша увольняется?

Игорек откатился в кресле к самой стене, задрал ноги на стол, чашку с кофе пристроил на груди. И уставился на Богдана одним из своих невыразительных отвратительных взглядов, за которые хотелось ему в лоб запустить чем-нибудь.

– Маша? Увольняется? Странно... Она же на больничном была. Чего вдруг?

Он старательно делал вид, что читает что-то с экрана. Пьет кофе и читает. И рассеянно слушает Игоря. И будто новости о Маше его нисколько не трогают. Это как-то не важно. Важно то, что перед ним на экране, вот!

Но на экране не было текста, читать было нечего. Там радужно корчилась яркая заставка для снятия напряжения с уставших глаз. Ядовитые цвета спектра переливались, скручивались кольцами, скользили по экрану. Богдан водил глазами туда-сюда, как если бы читал. Глотал кофе, уже почти не чувствуя вкуса, и делал вид, что жутко занят.

Игорь откровенно заскучал. Его новость не произвела на коллегу никакого впечатления. А он ждал другой реакции. То ли Богдану плевать на Машку, то ли он все знал. А откуда, интересно? Они что же, общаются вне работы? Интересно, интересно...

– Она закрыла больничный лист и написала заявление об уходе, – проговорил Игорек как будто с сожалением. И тут же недовольно фыркнул: – Год закончился. Работы валом. А она увольняется. Коза!

Богдан поставил пустую чашку на подставку. Сдержанно выдохнул, щелкнул мышью, сгоняя с экрана радужные кольца, снова открыл документ. Но потом решил, что должен что-то сказать. И произнес:

– Что мы с тобой, Игорек, не справимся, что ли? Нам не привыкать. Уволилась Маша, придет Саша или Даша. Да мы и без них с тобой справлялись. Так ведь?

– Ну да, ну да. – Игорек нехотя подкатился к столу, заглянул в документы, вздохнул с грустью: – Но так не хочется, дружище! Рутинка... как я все это ненавижу... Кстати, знаешь, какую причину она назвала при увольнении?

– Кто?

Рука Богдана нервно дернулась над клавиатурой и замерла. Взгляд залип на букве «т». И не потому, что эта буква была следующей в слове, которое он набирал. А потому, что с этой буквы начиналось слово «тварь». Этим словом, а не по имени, он в последние недели про себя называл Машу.

– Да Машка же! Ты чего тупишь, Богдаша?! – возмутился Игорек и тут же покрутил пальцем у виска. – Отвлекись на мгновение, эй! Ты когда в работе, просто дурак дураком.

– Спасибо! – фыркнул тот весело.

Немного отпустило. Игорек не заметил его страха, не уловил фальши. Это хорошо.

– Так чего она уволилась? – Он снова застучал пальцами по клавиатуре, делал он это мастерски.

– Сказала, что личные причины. Назвать, говорит, не могу. Но исключительно личные причины. Ха-ха! – Игорек ядовито ощерился. Уставился на Богдана, выглянув из-за монитора. – Не ты ли та самая личная причина, Богдаша?

Задай он этот вопрос десятью минутами раньше, Богдан бы сдал себя с головой. Липкий страх просочился бы сквозь поры, сделав его смуглую кожу бледно-желтой. Он бы заставил его пальцы мелко дрожать, а взгляд метаться. Игорек бы все понял.

Но теперь...

Теперь он подготовился. Он справился. Времени было достаточно. Может, правда в этой яркой заставке что-то такое есть, а? И она не только дарит отдохновение уставшим глазам, но и приводит расшатанные нервы в относительный порядок?

И он справился. Он с легкостью подергал плечами. Недоуменно округлил глаза, вздохнул с фальшивой печалью:

– Я тя умоляю, Игореша! Ты же знаешь, что я не тот мужчина, который способен быть причиной! Это ты у нас сердцеед!

Комплимент все сгладил. Он ему понравился. Игорек отстал. И до конца рабочего дня они проработали, почти не разговаривая. Без четверти шесть Игорек с шумом выдохнул, отключил компьютер, громко задвигал ящиками стола. Домой засобирался.

– А ты что, снова остаешься? – Он почти обиделся. – Мы же с тобой, как негры, Богдаша! Полдня с мест не вставали!

– Да нет, нет, тоже заканчиваю.

Он переслал законченный документ руководству, закрыл его, поместил в папку под защитой, отключил компьютер и глянул на часы:

– Десять минут... Игорек, может, по кофейку?

– Легко, коллега!

Тот снова умчался за стеклянную перегородку, загремел посудой. И поскольку к нему никто не присоединился, он начал переговариваться с Богданом. Причем орал так, что его наверняка на первом этаже слышали. Сначала что-то про новый фильм орал, у которого кассовые сборы зашкаливали. Потом снова про свой невероятно убойный коктейль.

– Мне, наверное, следует запатентовать свое изобретение, – вынырнула в какой-то момент его бледная физиономия из-за перегородки и снова скрылась. И снова. – Это такая вещь, Богдаша! Это такой букет! Никто просто до этого еще не додумался...

Богдан лишь лениво кивнул. Игорек даже не увидел.

Ему не хотелось говорить, не хотелось думать. Ему ничего не хотелось. Он вымотался. Сейчас выпьет крепкого кофе, сядет в машину, поедет по городу, просто чтобы не сразу ехать домой. Может, завернет куда-нибудь поужинать. Хотя аппетита не было. Третью неделю не хотелось есть абсолютно. Вид еды, все равно какой, вызывал тошноту. Может, он болен? Маша не зря обозвала его больным уродом. Не зря...

– Прошу, коллега. – Игорек снова расплескал кофе на его стол, когда ставил чашку. – По чашечке, и домой!

– Какой же ты неаккуратный, Игорек. – Богдан снова полез за бумажной салфеткой. – Везде наследись...

– Я-то? – Тот сел на край своего стола, поставил чашку себе на живот, проговорил, понизив голос почти до шепота: – Я вряд ли так наследить бы смог, даже если бы и постарался. А вот кто-то наследил конкретно.

– Это ты о чем?

Кофе вдруг перестал казаться вкусным, сладким и горячим. Он застыл на его языке огненной смолой. И рука принялась подрагивать мелко и противно. А в животе сделалось пусто и холодно, как если бы он летел вниз с большой высоты.

Почему-то ему показалось, что он знает, что в следующую минуту скажет Игорь. И тот сказал:

– Машка-то, по слухам, беременная...

Глава 3

«Как же это так меня угораздило? – как бы спрашивали ее глаза. – Как же так угораздило...»

Ее взгляд, пойманный минуту назад в запотевшем зеркале ванной, казался ей именно таким: вопрошающим, недоуменным, злым. Она же умная, сообразительная, ловкая, как же могла так попасться?!

Маша вздохнула и вытерла баннным полотенцем потное зеркало, лучше не стало. Вытяжка в ванной совершенно не работала. И по зеркалу поползли мокрые разводы.

Она потопталась босыми ногами по резиновому коврику, рассеянно посмотрела в ванну, до краев полную мутной мыльной водой. Нагнулась и потянула за пробку. В сливном отверстии тут же булькнуло, на поверхности вздулся огромный пузырь. Ясно! Сток снова забит. Чертова ночлежка!

Она швырнула мокрое полотенце на стиральную машинку и пошла голышом в комнату. Комната радовала. Большая, светлая, с огромным окном и, что главное, – огромной батареей центрального отопления. От нее сейчас пыхало жаром. Маша тепло любила. Нравилось ходить голой по квартире и не мерзнуть. Нравилось спать голой и не накрываться. И свое тело нравилось видеть в отражениях шкафов – гибкое, стройное, длинноногое.

Что-то теперь будет с этим телом!

Маша положила обе ладони себе на живот, надавила. То, что находилось там – внутри, она не любила. А как еще?! Она не могла любить то, что перечеркнуло все ее планы. Что исковеркало ее жизнь.

Как же так вышло-то, а?! Как же она могла так бездарно вляпаться?! Она же не глупая наивная курица, поверившая в любовь с первого взгляда. Она и со второго и с третьего в нее не верила, в любовь эту. Она всегда громко ржала, когда смотрела сериалы про идиотов, верящих в любовь до гроба, залетевших от этой любви и потом надсадно добивающихся счастья.

– Чего ржешь-то, дура? – плакала милая Мила, ее верная любимая подружка.

Плакала та все больше в финале, когда у идиотов в фильмах все отлично складывалось. Из ниоткуда вдруг появлялся прекрасный принц, он же обеспеченный бизнесмен, он же порядочный человек, он же прекраснейший из прекрасных мужчина. Этот принц, бизнесмен, порядочный человек и прекрасный в одном наборе мужчина брал на содержание несчастную, опутав ее узами брака. Усыновлял или удочерял ее дитя, в зависимости от пола, и они начинали жить долго и счастливо.

– Чего ты ржешь, дура, все же так мило! – вытирала слезы с симпатичной мордахи Мила. – Все так хорошо...

– Так хорошо не бывает, запомни это! Эти сказки для дураков! – обрывала свой смех Маша. – Чтобы верилось, чтобы жить хотелось. В жизни так не бывает, малыш.

– А как же бывает-то?

Мила всегда обижалась за подобную оценку ее любимых сериалов, будто Маша наносила ей личное оскорбление.

– А бывает вон как у тебя.

– А что у меня-то сразу? – надувала Мила губы.

– А у тебя, малыш, работа с крохотной зарплатой.

– Зато любимая, – возмущалась подруга, работавшая библиотекарем.

– У тебя ухажер Серега – слесарь с местного автосервиса. С зарплатой чуть побольше, но которую он уравнивает с твоей, просаживая ее с друзьями в пивнухе. И вот выйдешь ты за него. А ты выйдешь! – приговаривала ее Маша на пожизненное. – Родите вы детей сопливых. Двоих, а может, если ты сумасшедшая, и троих. И станете вы тянуть ляжку. Недоедать, недосыпать и

все время верить в чудо, которое, малыш, только на экране, поверь. Серега с годами сопьется окончательно. Потому что ожидаемого чуда не случилось. Ты обабишься. Дети озлобятся...

Это был их, помнится, последний разговор. Подруга тогда так рассвирепела, так обиделась и за себя, и за Серегу, и за не рожденных еще детей, которые почему-то должны были вырасти отморозками, что выгнала Машу и велела больше на порог к ней не являться.

Маша сделала три попытки помириться. Три! Бесполезно. Мила не простила.

А за Серегу она все же вышла. И ребенка они родили, кажется, девочку. Маша видела их однажды с коляской издалека. И они показались ей странно счастливыми, хотя на Милке был все тот же купленный в девичестве пуховик, а на Сереге старая кожанка. Толкались, дурачились, обсыпались снегом. Потом Серега и вовсе Милку на руки подхватил и кружил долго. Пока их чадо в коляске не захныкало.

Она к ним не подошла. Наблюдала издалека. И вдруг поймала себя на том, что покусывает губы с досады. С досады на их простецкое, незамысловатое, но какое-то радужное счастьеце.

Конечно! Конечно, она такого счастья себе не хотела. Ей хотелось основательного, красивого, яркого. Она планировала в него попасть без всяких отягчающих душу и тело обстоятельств.

А что вышло?! Она банально залетела! Она превратилась в одну из тех куриц, над которыми оглушительно ржала в свое время. Мало того, она осталась без работы! И принца, принца-то на горизонте – тю-тю – не видать!

И опять же, она бы со всем этим справилась на щелчок пальцев! Сейчас глотай таблетку, и нежелательной беременности как не бывало. Да, денег стоит, а что делать! Но...

Но ей не велели! Не велели избавляться от ребенка! Не велели дальше продолжать работать на фирме, где она получала достойную зарплату. Не велели ничего предпринимать без согласования. И это был залет почище первого!

Она перестала самостоятельно принимать решения. Ею управляли. Она перестала принадлежать самой себе. Из очаровательной девушки она превратилась в тварь, которой помыкали.

Маша внимательно осмотрела себя голую в стекле посудного шкафа. Безупречная белая кожа, упругое тело, длинные густые волосы, которые она постоянно заплетала в косу. Ей не хотелось это делать, но это тоже было одним из пожеланий. Опять же требования к внешнему виду на фирме были жесткими. Локоны по спине не приветствовались. Вот она и заплетала с утра тугую косу.

За окнами на улице вдруг что-то сильно бабахнуло. Маша подошла, оперлась голым животом о подоконник. Глянула.

Стройка. Под окнами разворачивалось грандиозное строительство. Скоро этажи достигнут уровня ее окон, и тогда голышом не походишь, не задергивая штор. Хотя с вздувшимся животом мало радости смотреть на себя.

Маше вдруг расхотелось ходить голой. Она влезла в шкаф, порылась в вещах. Достала любимый бархатный костюмчик лимонного цвета. Надела без нижнего белья. И снова с ненавистью уставилась на свой живот, где теперь топорщился карман от курточки.

– Кенгуру! – с отвращением выпалила Маша и посмотрела на часы.

Время близилось к восемнадцати тридцати. Рабочий день там, где она не так давно и сама работала, закончился.

Заедет или нет? Заедет или нет?

Пару дней назад, когда она оформляла свой расчет, он даже не глянул на нее. Коротко кивнул, здороваясь, и все. Даже не глянул! Потом позвонил с таксофона. Он всегда ей так звонил, чтобы не засветить свой телефон. Позвонил...

– Ты что, тварь, совершенно обнаглела?! – проговорил он, запыхавшись, как будто пробежал только что дистанцию.

Но он не бегал, она знала. Он запыхался от отвращения к ней. От необходимости с ней разговаривать.

– А что не так я сделала на этот раз? – кратко ответила она. – Я же уволилась, как ты хотел!

– А что ты лопотала при увольнении, а, тварь? О каких личных причинах? Ты что, сказала о своей беременности?!

– Нет, – кратко, без объяснений проворчала она.

– Тогда что за личные причины? Что ты им сказала?

– Я сказала...

Она ничего не объясняла, она больше туману напускала, улыбалась загадочно. Но ему то об этом знать вовсе не обязательно, так? В том, что с ней случилось, виноваты двое, так?

И поэтому она ему соврала:

– Я сказала им, что выхожу замуж.

– Что-о-о? Ты соображаешь, что сделала? – Его голос теперь напоминал голос умирающего от удущья человека. – И ты сказала, за кого?

– Упаси, господи! – хихикнула она неуверенно. – Я ведь и сама не знаю, за кого выйду, так ведь?..

Он тогда бросил трубку и больше не звонил. Прошло два дня. Сегодня была пятница. По пятницам он всегда к ней приезжал. И они неторопливо и с удовольствием занимались сексом. Ему секс с ней очень нравился. Ему даже не надо было об этом говорить, она видела.

Ей...

Ей было все равно.

Маша пошла на кухню. Полазила по полкам холодильника. Не густо, но если он приедет, ей будет из чего сделать его любимый салат. Больше на ночь он ничего не ел. Салат, зеленый чай. Крайне редко кофе. Пару раз, наверное, за все время их близости.

Маша поставила вариться яйца. И тут вспомнила.

Днем от Милы приходило странное сообщение. В нем она просила ее срочно перезвонить. И аж шесть восклицательных знаков. И смайлик с просящей рожицей. Первым порывом было набрать, потом неожиданно передумала.

Сделалось жутко жаль себя – одинокую, неприкаянную, в состоянии нежелательной беременности, в котором ее принуждают находиться. Сделалось горько от того, что она вот даже такого незатейливого счастья не может поиметь, в котором Милка плещется, как рыба в воде. Конечно, не так чтобы и хотелось именно так, но в настоящий момент можно было бы и так попробовать.

Не стала звонить днем. А сейчас вдруг решила набрать.

– Маша, привет. Я тебе писала. Просила позвонить. – И Милка замолчала.

– Я видела. Звоню. – И она замолчала тоже.

– Знаешь, чего просила-то?

– Нет.

– Мне это... Как бы помощь твоя нужна, Маш. – И подруга громко всхлипнула.

Спросила у больного здоровья, чуть не вырвалось у нее вместе с истеричным смешком. Она сама в полной, пардон, жопе! Ей бы тоже не мешало о помощи просить! Только у кого и какой именно помощи?

Кстати, а откуда у Милки ее телефон? Она же сменила номер.

– Я на работу тебе звонила, – призналась подруга. – Сказали, что ты уволилась по личным причинам. Намекали, что у тебя все просто отлично складывается. Что ты вроде замуж собралась за обеспеченного человека.

– Да уж не за слесаря автосервиса! – фыркнула Маша и со злостью прикусила губу.

Кто же, интересно, там такой осведомленный выдумщик?

– Зачем ты так, Маш? Сережа, он хороший, Маш.

– Ага! Чего же тогда тебя твой Сережа не выручает? Чего у меня помощи запросила, а? Она аж повизгивала от бешенства. Сережа, стало быть, не обгадился за три года семейной жизни? По-прежнему у Милки в фаворитах.

– Он просто попал в беду.

– Да ну! Сережа и попал в беду?! Разве такое возможно?!

Честно? Ее неожиданно порадовало, что Милкино незатейливое счастье оказалось со ржавчинкой. И даже чуточку, совсем немножечко сделалось ее жалко.

– Ладно, проехали, – буркнула Маша, услышав, что подруга расплакалась. – Рассказывай, что там у тебя?

Милка долго всхлипывала, сморкалась, просила не обижаться, что позвонила, потом наконец рассказала.

Оказывается, этот малограмотный лох Сережа полез в бизнес. То есть решил свою семью обеспечить таким образом, и это при своих-то куриных мозгах, заметьте! Разумеется, зарегистрировался как индивидуальный предприниматель, набрал кредитов под развитие. Даже начал как-то там развиваться. Арендовал помещение, набрал заказы. Начал работать. Бизнес стал приносить стабильный доход. Они купили квартиру, Милке шубу. А как же без шубы-то! Вот придурки! Поменяли машину. Причем не на что-нибудь, а на дорогой внедорожник. А как же! Статус и все такое! Он же – Серега-то – директор автосервиса, не простой слесарь.

– Все так хорошо складывалось, Маш, – пищала Милка в трубку. – И тут вдруг, как гром среди ясного неба...

Явились кредиторы из банка. Да не одни, а в компании с налоговой инспекцией. И понеслось!

– Оказалось, Сережа почти не погашал кредитов. Платил проценты и все. Еще как-то скрывал доходность, подделывал отчетность и... И у нас все отобрали, Маш! И машину, и квартиру, и все, что в ней, и бизнес, разумеется.

– Красавчик! – фыркнула Маша, развалившись в кресле у широкого окна и задрав ноги в тапках на горячую батарею. – А ты-то что, курица?! Ты-то что, совершенно не вникала в его дела?!

– Он говорил мне всегда... Говорил, что... Я все решу, дорогая!

Это была любимая Милкина фраза из любимого ею сериала. И Машка не сдержалась, заржала в полное горло. А подруга тут же в голос зарыдала.

Машу проняло.

– Ладно, не реви ты так. Все наладится, – не совсем уверенно пообещала она. – От меня-то что хочешь? Чем я могу помочь?

– Понимаешь, Маш... – Подруга замялась. – Сережа, он... Он ведь не только в банке деньги брал. Но еще у кого-то. Просто у людей.

– Ага! – Маша резко сбросила ноги с батареи, села прямо. – погоди, угадаю! Твоего придурка поставили на счетчик?

– Да, – еле выдавила сквозь слезы Мила. – Я уже заняла, где только можно. Зарплату выпросила на полгода вперед. Но... Но все равно не хватает. А они ждать не хотят! И там каждый день просрочки – это деньги.

– Ясное дело! Ребята с серьезными намерениями!

Маша покачала головой. Она ожидала от Сереги всякого в их с Милой семейной жизни. И запойных выходных, и нищенского, жалкого существования с денежными крохами от зарплаты до зарплаты. Но чтобы так...

– У них очень серьезные намерения, Маша. Очень! – Подруга даже осипла от горя. – Они угрожают нашей дочери. Говорят, что похитят ее, Маша! Я этого не переживу!..

И она еще громче зарыдала. Маша поморщилась и отодвинула телефон от уха. Тут же глянула на свой плоский пока живот. Там ведь тоже кто-то растет уже. Дочь или сын. И он, родившись, потребует любви. А способна ли она так любить, как Мила? Способна ли так уби-ваться, переживать?

Вопрос...

– Помоги мне! Помоги, пожалуйста! Мне больше негде взять денег. Завтра последний срок. Они завтра придут за деньгами!

– Сколько?

– Что?! – Мила икнула от неожиданности и притихла.

– Сколько тебе не хватает, чтобы расплатиться с долгом? – сухо и по-деловому спросила Маша.

У нее деньги были. Она не такая курица, как ее подруга, всегда имела заначку. Откладывала, вкладывала пару раз. Удалось подняться. Поделила сумму пополам. Одну половину снова вложила. Вторую в банк на депозит. Снова удачно. И снова по отработанной схеме. Осторожно, без лишнего риска. И дома держала приличную сумму. Так, на всякий случай. Всегда помнила, что нельзя держать все яйца в одной корзине.

Она не дура. Она расчетлива и умна. Только вот с личными делами попала, так попала.

– Так сколько, Мила, денег тебе нужно? – повторила она со вздохом, потому что Мила затихла.

– Три тысячи... – тихонько ахнув, выговорила подруга. – Долларов, Маш!

– Ясно, что не рублей. Ладно, дам я тебе денег. Только расписку возьму, так и знай! Через год вернешь, поняла?

– Господи-и-и, Ма-аша-а-а... – громко застонала Мила. – Я за тебя свечи всем угодникам поставлю! Ты! Ты самая лучшая! Я за тебя в храме службу закажу!

– Побереги деньги, малыш. Они тебе еще пригодятся. Жду тебя у себя через час. Опоздаешь, сама виновата.

– Не опоздаю, – пошевелила Мила носиком. – Я уже у тебя во дворе, подруга. Так что открывай...

Глава 4

Утро не время для смерти, понял он, рассматривая восход солнца с балкона. Слишком агрессивен зарождающийся свет. Слишком ярко. Через какое-то время день заполнится звуками. Их будет очень много. В многообразии шума невозможно уловить слабое дыхание смерти. Слишком громко.

Он недовольно поморщился, осмотрел балкон. Очень пыльно. Цементная пыль, песок, белый налет штукатурной смеси. Можно наследить, да еще как. Если сюда явится новичок или грубиян, то наследит непременно. Он же...

Он же ходит тихо, аккуратно, не оставляя следов, как сама смерть, которую он выбрал себе в помощники.

Сравнение ему неожиданно понравилось, и он стал жутко горд собой. Даже в груди с левой стороны что-то сладко екнуло и зануло.

Он молодец! Он мастер! Кто бы что о нем ни думал и ни говорил, он умен, хитер, изворотлив и изобретателен. И его никогда не поймают. Потому что он тщательно готовится. Он думает, прежде чем что-то сделать. Много думает. Отрабатывает варианты, вдруг что-то пойдет не так. Вот и сейчас на этом пыльном балконе строящегося дома он торчит на восходе солнца не просто так. Он думает! И наблюдает. И считает.

До тех окон напротив, за которыми маячил с вечера силуэт девушки, дом еще не достроился. Еще один этаж. Но это его не смущало. Он видел то, что ему надо было видеть. Он представлял все действие так живо, как если бы сидел в партере театра и смотрел на сцену. Он знал, что и как будет. Знал, что не станет торопиться. Время у него есть. Время, пока о ней и ее интересном положении не узнали все.

Какая же дура! Какая же дура оказалась эта Маша, корчившая из себя поначалу недоτροгу и скромницу. Как ловко она обвела вокруг пальца всех их. Как умело интриговала и использовала мужчин. И наживалась, наживалась на них.

Тварь!

Ну, ничего. Скоро он за ней придет. Он вместе со своей безмолвной спутницей, не оставляющей следов на пыльном полу. Придет, но не утром. И не днем. Вечером. Поздним вечером. Когда тихо, когда сладко дремлет в мягких подушках. Когда движения вялы, а мысли путаются. Идеальное время для убийства! Просто идеальное!..

Солнечный луч ударил по ее окнам. Ему даже почудилось, что он слышит слабое дребезжание стекол. И тут же поморщился. Слишком много света. Слишком много звуков. Тех, что не доступны обычному человеческому уху. Тех, что слышит только он.

Что-то заставило его отступить на пару шагов назад. В тень балконного проема. И не зря. Не сработай его чутье, она бы его точно заметила.

Она проснулась! Она выглянула из окна и посмотрела, кажется, именно туда, где он мгновение назад стоял. Он вовремя спрятался!

Что же ее, интересно, разбудило? Яркое солнце? Утренняя распевка птичьего хора? Или неожиданный телефонный звонок? Или интуиция, шепнувшая ей в утреннем сне об опасности?

Последнее вряд ли. Он высокомерно оскалился. Эта девушка не так осторожна и труслива, чтобы что-то почувствовать. Он был уверен, что интуиция будится страхом. Простым, незатейливым, от которого липнет рубашка к лопаткам и дико хочется в туалет. Постоянный страх со временем порождает осторожность. Не оступиться бы! Не пропасть! Не попасться! Осторожность нога в ногу прошагала с ним по жизни, поучая, предостерегая, вооружая.

Страх и осторожность – вот что его всегда спасало. А интуиция...

Ой, да называйте как хотите!

Девушка Маша неожиданно вышла на балкон. В чем мать родила! Бесстыжая! Но красивая и желанная. Он тут же ощутил ладонями мягкую нежность ее кожи. Почувствовал на своем теле ее дыхание. Вспомнил, как скользят ее волосы по его плечам и животу.

Волнительно! И даже возбуждает! Но это ничего не меняет. Маша наделала кучу ошибок. Их исправить уже невозможно. И поэтому он ее приговорил. Вот так-то...

Глава 5

– Сережка! Вот смотри!

На Сергея, лежавшего на диване с пультом от телевизора, посыпался денежный дождь. Купюры, мягко ссыпавшиеся ему на грудь и живот, были новенькими, хрустящими. Он лениво улыбнулся. Небрежно скомкал деньги и протянул жене:

– Не отказала, стало быть?

– Нет! Даже посочувствовала! Чаем напоила! С таким дерьмовым, скажу я тебе, печеньем! Мы с тобой такое печенье в нужде не кушали. Теперь-то... – И Мила счастливо рассмеялась. – Ну что теперь?

– А что теперь? – Он резко сел, протянул руки к жене и шевельнул пальцами, как если бы звал ребенка. – Теперь мы с тобой осуществим задуманное, детка. Нам и не хватало-то всего ничего. Ты даже лишку у Машки взяла. Иди ко мне...

Мила с разлету опустилась на его коленки. Обняла за шею, уткнулась губами в щеку. От мужа пахло модной туалетной водой и дорогим лосьоном для бритья. Она обожала этот дорогой запах. Обожала своего мужа, который вопреки всем предсказаниям не стал неудачником. Обожала все его затеи, результатом которых стали резко поднявшиеся доходы в их семье. Бизнес бизнесом, а подпитка не помешает. Так любил приговаривать Сережа, сворачивая в тугую трубочку доллары после очередной удачной операции.

Бизнес недавно они продали. Так что если Машка вознамерится проверить, автосервиса, где Сережа был хозяином, она не найдет. И квартиры, которую они купили, тоже нет. Они ее благополучно продали. Загвоздка в машине, правда, оставалась. И еще в ребенке.

Машину Сережа категорически отказался менять. Она его устраивала. А ребенка просто-напросто у них не было. Решили пока не спешить. А коляска с ребенком, с которой Машка их однажды с Сережей увидела, была соседской. Попросил человек присмотреть за девочкой, чего не помочь!

Машу они в тот день еще издалека заметили. И решили немного подразнить, разыграть сцену абсолютного семейного счастья. Та стояла, не двигаясь с места. Значит, проняло.

– И еще как! – фыркала потом весь вечер Мила. – Я ее знаю как облупленную! Вместе росли, вместе из города родного свалили. Вместе в коммуналке комнату снимали. Я ее очень, очень, очень хорошо изучила.

– Ну, раз ты так ее хорошо изучила, давай придумаем что-нибудь, – загорелись тогда у Сережи азартным огнем глаза. – А? Малыш? Что скажешь?

– Не знаю... Надо бы все узнать для начала о ней, а тогда уж...

И она начала за Машей следить, собирать о ней информацию. По скудным крохам собирала. И поначалу, год, наверное, они вообще не знали, куда и что применить.

– Все как-то мелко, Мил, как-то пусто, – морщился Сережа недовольно. – Корчила из себя твоя Маша, корчила, а ничего в итоге не представляет. Ну, никакого интереса!

А потом интерес неожиданно появился. И они загорелись, и стали придумывать. Столько придумали!

Вариантов было много. Один другого лучше, но Сережа решил не спешить.

– Погоди, детка... – шептал он ей, прижимая к себе в кровати. – Чую, что-то интересное должно у нее вот-вот произойти. Как говорит мой любимый классик: чую, мы на грани грандиозного шухера, детка!

И не ошибся ее прозорливый муж, так и неоцененный по достоинству ее подругой Машей.

– Вот теперь можно на нее немного нажать соплей, детка, – перелистывая фотографии, на которых везде была Маша, задумчиво обронил Сережа неделю назад. – Выставишь меня

подонком и так далее, ты все знаешь, короче, и дави, дави. Пару тысяч легко можно с нее под слезу поиметь. Она сейчас подавлена и растерянна. Это то, что надо.

Все прошло замечательно! Мила казалась искренней даже самой себе. Маша оказалась сговорчивой. И даже поцеловала ее в макушку, когда Мила пила чай на ее кухне с ее дрянным печеньем. В этот момент она снова всхлипнула. Но не от горечи или стыда, а от душившего ее смеха.

– Куда она убрала расписку, видела? – Сережины пальцы скользнули под кофточку, погладили по спине.

– Видела.

– Ну... Через месячишко, думаю, надо будет навеститься к ней в гости. Расписочку аннулировать. Ага? – Заученным движением он стащил с нее кофточку и принялся путаться в застегках на юбке.

– Все как всегда.

Мила закрыла глаза. Она млела, когда Сережа ее раздевал. Именно так вот – грубо, неумело, когда пуговицы отрывались, а материя трещала. Иногда нарочно надевала платья и брюки со сложными застегками, чтобы он распался и нервно с нее все срывал.

Он был грубым и необузданным. А она податливой и слабой. Как в ее любимом кино! Душа и тело млели! Мечты сбываются...

– А чего через месяц? Чего так рано, Сережа? У нас год в запасе.

Она мягко отстранила его руку и отцепила крючок на юбке. Юбка была любимой. Дорогой! По ошибке надела, когда к Машке отправилась. Но та, кажется, даже внимания не обратила на эту деталь. Сочувственно качнула головой, рассматривая ее стоптанные старенькие сапожки и вытершийся на молниях пуховик. А вот юбку-то проглядела. И блузку, которую ей Сережа из Германии привез год назад. Не рассмотрела Машка, что под пуховиком на подруге было надето. Упивалась собственным благородством. Даже в макушку поцеловала, так ее разобрало.

– Малыш, ты же знаешь, я не люблю затягивать.

Он вытер о ее плечо вспотевший лоб, швырнул ее на диван, на подушки, навис сверху – крепкий, жадный, агрессивный – мужчина ее мечты.

А Машка еще смела утверждать, что Сережа лузер! Что сопьется и пропадет. И она вместе с ним. Дура, ха-ха!

– Через месяц, детка, – захрипел Сережа, наваливаясь сверху. – Через месяц, и не днем позже.

Она зажмурилась и прошептала:

– Я все сделаю, как ты скажешь, милый. Все решу. Не впервые...

Глава 6

– Богдан твой где?

Отец глянул на Ирину строго, но не зло, и она чуть расслабилась.

Когда отец затрагивал тему Богдана, она всегда нервничала. Ждала какого-нибудь подвоха или выговора. Он вроде и не был против их отношений, но каждый раз к чему-нибудь да придирался. То не так тот руку ей подал, то глянул неправильно, то улыбался на ее шутки скупко. Даже мама, никогда не влезаящая в отношения отца и дочери, однажды не выдержала.

– Иван, ну вообще! – И мать покрутила изящным пальчиком возле виска, активно листая при этом модный журнал и не поднимая глаз от страниц. – Ты говори, да не заговаривайся! Богдан – это не ручная собачонка нашей дочери, если ты еще не понял. Это ее парень. Ее возлюбленный, если угодно.

– Он еще и мой подчиненный, – нехотя возразил отец.

С женой спорить он не любил. Она всегда оказывалась права. Даже когда бывала не права, она находила такие доводы, что он с ней не мог не согласиться. Все выглядело так логично.

– Вот и оставил бы его в своих подчиненных, – вяло подергала плечами мама, страницы все шелестели. – Зачем свел его с Ирккой?

– Ну... Он перспективный, умный, симпатичный. Ирке понравился с первого взгляда.

– Вот! – Изящный пальчик нацелился Ивану в лоб. – Вот! И не лезь поэтому туда, куда тебе вход заказан.

– Чего это? – злился отец уже скорее не на ее слова, а на то, что она даже не смотрит на него, по-прежнему глядит в журнал. – Она моя дочь!

– И по этой причине тоже. – Мама подняла взгляд от страницы, холодно посмотрела. – В твоей клетке достаточно одной птички – меня. Ирку туда посадить не позволю, Ваня. И вот что...

Ее пальчик потыкал в развернутые на середине страницы:

– Хочу это, вот это и вот это. И это дорого. Жутко дорого!

И вызывающий взгляд, и насмешливая улыбка. А как-то Ваня отнесется к грядущим затратам? Ваня не возражал. Брал ее за руку и уводил куда-нибудь подальше от Ирины. Тема Богдана благополучно забывалась. До следующего удобного для отца момента.

Сейчас как раз был тот самый удобный момент. Да еще мамы не было поблизости. Да днем на фирме кто-то невероятно отца взвинтил. Он приехал уже взбешенным. А тут Богдан так удачно запаздывал.

– Так где твой Богдан, Ирина?! – Отец заметно завелся. – Ужин у нас в восемь! Всегда в восемь, Ирина! Сейчас который час, дочка?

– Половина девятого.

Она беспечно улыбнулась, хотя, видит бог, далось ей это с великим трудом.

– Половина! Девятого! – повысил голос отец. – А он где?! Его что, ждать надо?! Он кто такой вообще?! Чего о себе возомнил?!

– Пап, он мой парень. Это я так, просто чтобы напомнить. И ждать его необходимости нет.

Она отвернулась от отца и закатила глаза, мысленно ругая и отца, и Богдана. Потом решила чуть приврать. Так, для пользы дела.

– И он звонил и предупреждал, что задержится. Давно могли бы сесть за стол. Без него. Проблем нет. Другой вопрос, что мама еще не вернулась. Без нее-то мы не станем ужинать, так?

Отец промолчал. Он не мог сказать дочери, что за последний час звонил своей жене трижды. И она трижды отклонила звонок. О причинах он даже догадываться не хотел. И еще

он не мог в присутствии дочери нервничать по этому поводу. А нервничать мог, скажем, из-за того, что ее жених опаздывает.

– Без мамы за стол не сядем, конечно, – пробубнил Сячин Иван Николаевич.

Подошел к дочери со спины, обхватил за плечи, поцеловал в макушку:

– Извини. Нервы, Ириша... Извини...

– Ладно, пап, нормально все.

Она похлопала ладошкой по его руке, потерлась о нее щекой, в горле сразу предательски зашекотало. Она всегда испытывала щемящую жалость к отцу, когда он выглядел растерянным. Он ведь не имел права быть слабым и подавленным. Он – хозяин солидной преуспевающей фирмы, мощный, красивый мужик – не имел права на слабость. А он ее иногда не мог скрыть. И Ирина его в такие минуты жалела. И это ей, если честно, не очень-то нравилось. Слабость отца делала уязвимой и ее, и маму. Делала уязвимой их семью. А это плохо.

Дверь столовой за их спинами громко хлопнула. Они обернулись. На пороге стояла мама. Высокая, тоненькая, невероятно привлекательная в дорогих нарядных одеждах. Она виновато улыбнулась мужу и дочери. Пригладила растрепавшиеся белокурые волосы. Шагнула к столу. Заговорила быстро-быстро:

– Простите, ради бога! На дорогах жуткие пробки... Да еще телефон забыла в салоне, пришлось за ним возвращаться. Иван, ты ведь звонил мне несколько раз? Девочки сказали, что им пришлось сбрасывать звонки. Такое недоразумение. Извини!

Ее рука, мгновенно взлетевшая к груди, странно подрагивала. Или это Ирине только показалось? Ей вообще в последнее время стало много чего казаться. Много незнакомого, что происходило с матерью. Какие-то новые привычки, слова, манеры. Странно незнакомо, непривычно, а оттого неприятно.

– Давайте ужинать, а, семья?

Мама быстро разделась в прихожей, вымыла руки и скользнула за стол на привычное место, схватила салфетку, тряхнула ею, расправляя. Оперлась ребром ладони о край стола. Глянула на дочь требовательно:

– Богдана все еще нет, Ириша?

– Нет. Он предупредил, что опоздает, – снова соврала она, теперь уже матери.

– Тогда начинаем без него. Распорядись, Ваня, чтобы подавали...

Ваня с каменным лицом вышел из столовой. Распорядился. Вернувшись, сел напротив жены, молчаливым кивком указал дочери на ее место. Ирина послушно уселась, хотя ей почувствовалось, что кто-то въехал во двор. Может, Богдан? Окна столовой выходили на противоположную от ворот сторону, а метаться к выходу в сложившейся ситуации ей непозволительно. Пришлось просто сесть и ждать, когда домработница подаст ужин. Если Богдан приехал, то она же его и встретит. Путь от кухни до столовой лежал мимо входной двери.

Это был Богдан. Он вежливо попрердержал дверь, пропуская женщину с подносом впереди себя. Поздоровался. Тут же подошел к Ирине, поцеловал ее в щеку.

– Прошу прощения, Иван Николаевич. – Он так же, как и ее мать несколькими минутами ранее, виновато улыбнулся и пробормотал: – Жуткие пробки!

– Ну-ну... – Отец хищно ощерился, схватил со стола свой мобильник, его палец тут же навис над экраном. – По какой дороге ехать изволили, Богдан?

Тот ответил. Палец отца заметался.

Он на Яндексe! Проверяет правдивость слов ее жениха! О господи! Если сейчас утверждение о пробках не подтвердится, то...

То вообще неизвестно, чем может закончиться этот ужин! Хорошо еще, что матери не задал такого же вопроса. Хотя она и отвечать бы не стала. Просто вежливо послала бы отца куда подальше, и все.

Богдан так сделать не мог. Он слишком зависим и от отца, и от обстоятельств.

– Да, в самом деле, – забормотал отец, не глядя на них. – Зачем было ехать этой дорогой? Есть другой, второстепенный маршрут. Там чисто.

– Он длиннее на двадцать километров, – вежливо вставил Богдан и коротко улыбнулся Ирине. – Хотел как лучше, а получилось...

– Как всегда! – фыркнул отец почти весело, отложил мобильник и скомандовал: – Ну, давайте, поедим уже, что ли. Мясо дивно пахнет.

Ужин был превосходным. Накалившаяся поначалу атмосфера разрядилась. И за кофе они уже давились смехом от шуточных пикировок отца и матери.

– Ладно, молодежь, мы к себе. А вы отдыхайте.

Отец привлек Ирину к себе, поцеловал в лоб. Пожал руку Богдану. Обнял жену за талию и повел на второй этаж. Там была их общая спальня, кабинет отца, личная комната матери, где она принимала массажисток, маникюршу, портних. Иногда просто сидела там часами, запершись на ключ.

Комнаты Ирины были на первом этаже.

– Идем ко мне? – Она схватила Богдана за кончик галстука, потянула в сторону своей двери.

– Погоди, Ирина, нужно поговорить.

Он осторожно вытянул галстук из ее пальцев, спрятал под тонкий пиджак.

– Там и поговорим. – Она недоуменно округлила глаза. – Ты чего?

– Давай лучше прогуляемся. – И он вдруг обвел пальцем стены и потолок коридора перед дверью ее комнаты. И сделал странные глаза. – Давай подальше от чужих ушей, а?

– Ладно, только оденусь.

– Я на улице подожду.

И он сразу оставил ее одну, ушел в прихожую одеваться. Ирина пошла к себе.

Странно! Все выглядело очень странно!

Сначала это странное опоздание без объяснения причин. Нет, он назвал отцу причину. Но это же было смешно! Ирина знала, что Богдан через центр никогда не ездил. Избегал пробок. А тут вдруг пробки на дорогах! Что за бред?! И почему он отказался говорить с ней в ее комнате? Зачем позвал на улицу? Там отвратительно! Холодно, промозгло, ветер. Что за жесты? Намекает, что их подслушивают? Кто?! Папа?

Бред!

Ирина сняла домашнее платье. Надела теплые колготки, длинный толстый свитер с высоким горлом. В прихожей стащила с вешалки длинную пуховую куртку отца, его же вязаную шапку. Надела унты, в которых обычно ездила с отцом за город кормить оленей в питомнике. Глянула на себя в зеркало. Пугало! Но переодеться не стала. Переживет ее нареченный.

Богдан стоял возле двери на улице.

– В чем проблема, Богдан? Что происходит? – спросила она, едва переступив порог. – Что за тайны? Почему мы не могли поговорить у меня? – И снова повторила: – Что происходит?!

Он обнял ее, прижался щекой к щеке, потом нежно скользнул губами по ее губам, но глубокого поцелуя не случилось. Он тут же потащил ее со ступенек в сторону сада. Ирина послушно пошла за ним. Ей все это страшно не нравилось. Все эти тайны, ужимки, ложь опять же. Отец наверняка наблюдает за их прогулкой из своего окна. И потом станет задавать вопросы. Разве Богдан не знает об этом?! Чего он так неумело шифруется?

Они дошли до открытой беседки в самом дальнем углу сада. Здесь ранней осенью Богдан ее впервые поцеловал. Она помнила, как будто это было вчера. И отчаянный стук сердца своего помнила. И как его отзывалось таким же бешеным ритмом, помнила тоже. Было так славно, так сладко. Ирине тут же захотелось повторения.

– Поцелуй меня! – проговорила она, неуклюже прижимаясь к нему в отцовской длинной куртке. – Я соскучилась.

– Я тоже, детка. Я тоже соскучился. – Он осмотрел ее лицо со странной грустью. – Я... Я так тебя люблю, Иринка. Ты снишься мне почти каждую ночь.

– Здорово!

Она улыбнулась и потянулась губами к его подбородку. Но Богдан неожиданно отстранился, плотно сжал губы. Ирина вздохнула и, нажав на деревянной стойке выключатель, включила свет. Яркая лампочка во влагозащитном абажуре белого стекла осветила пустую беседку. Темное дерево столбиков, темный деревянный пол под ногами, свист ветра в струнах, на которые весной цеплялись легкие шелковые шторы. Плетеную мебель на зиму убрали. Остались лишь две деревянные тяжелые скамьи вдоль перил. Они уселись на них напротив друг друга. Ирина уставилась на Богдана.

Странно...

Странно, что она не заметила в нем изменений. А он ведь изменился! Похудел – раз. Под глазами темные круги – два. Пальцы нервно сжимаются и разжимаются. В глаза ей почти не смотрит – три.

Почему? Он раньше старался поймать каждый ее взгляд. Ловил каждый ее вздох. Отношениям полгода, не так уж много. Он охладел к ней? Разлюбил? Но он только что сказал, что любит! Что она ему снится каждую ночь.

– Богдан, что происходит? – Ирина потянулась к нему, пытаясь поймать его руки. – Посмотри на меня.

Он поднял взгляд. И в нем было столько боли и горечи, что она тут же заподозрила самое гадкое:

– Ты... Ты изменил мне?!

– Нет! – воскликнул он, его губы вдруг сложились брезгливой скобой. Богдан мотнул головой, отводя глаза в сторону. – То есть да... не знаю... Это началось до тебя. Но так все усложнилось... Я в беде, Ирина! Я в такой беде! Я даже не знаю, как тебе сказать.

– С самого начала, давай.

Она села прямо. Сунула руки в карманы отцовской куртки. Сжала пальцы в кулаки так, чтобы ногти побольнее впились в кожу ладоней. В том месте, где у нее прежде гулко стучало сердце, где раньше сладко щемило, вдруг обнаружилась странное что-то. Холодное, пугающее, тонко воющее, как струны для штор на зимнем ветру.

– Говори! Ну! – прикрикнула она на Богдана. – Чего опустил голову? Нашкодил и страшно признаться?!

– Я ничего такого... Я ничего не делал, милая. Все вышло само собой. И так гадко вышло! – Он уронил голову низко-низко, задышал судорожно, как если бы плакал. – Можно я начну с самого начала, а ты послушаешь?

– Да.

– И не станешь перебивать?

– Да.

– Я начинаю?

– Да.

Наверное, она просто замерзла, сидя на февральском холоде на деревянной скамье. Просто замерзла и поэтому не чувствовала себя.

– Несколько месяцев назад к нам в отдел пришла работать девушка, – медленно начал говорить Богдан. – Маша... Стрельцова. Неплохой работник. Старательный. Да и человеком поначалу казалась нормальным. Отзывчивым и порядочным.

– А оказалась кем?! – неожиданно прорвался сквозь плотно сжатый рот ее замерзший голос. – Обычной шлюхой, которая соблазнила тебя?!

– Ирин, ты обещала, что не станешь перебивать, – мягко упрекнул Богдан, сжал и разжал кулаки и тоже, как и она, сунул их в карманы. – Но ты права! Она оказалась обычной грязной девкой. К тому же шантажисткой. К тому же...

– Что? – Ее голос напоминал хруст снега под ногами.

– Она утверждает, что беременна от меня.

– О господи!

Вой ветра в струнах под потолком усилился. Они дребезжали и взвизгивали, тонкие металлические крючки, на которые цеплялись петли, собрались в кучку и отвратительно позванивали. И ей на какой-то миг захотелось, чтобы одна из этих струн сейчас лопнула и обвила ее шею. Сдавила ее горло так, чтобы она перестала дышать, чтобы перестала чувствовать, как ей сейчас больно.

– Прости! Прости меня, я даже... Я даже не уверен, что это мой ребенок, – неуверенно произнес человек, которого еще пару часов назад она считала своим женихом. – У нее еще кто-то есть, я это знаю точно. Я однажды видел, как он выходил от нее. Не узнал, но, кажется, это кто-то из своих.

– С чего ты решил? – зачем-то спросила она.

Разве это имеет какое-то значение? То, что у какой-то совершенно незнакомой девушки, с которой случился нечаянный роман у ее жениха, есть кто-то еще? Какой-то тайный поклонник? Ей-то об этом знать зачем?! Что это может изменить?!

– Я с чего решил? Так она мне иногда рассказывала такие вещи, о которых я с ней не говорил. И которые мог знать кто-то другой. Только я не могу никак вспомнить, кто именно? – быстро заговорил Богдан, вдохновленный ее вопросом. У него даже глаза загорелись странным болезненным азартом.

Видимо, решил, что ей интересно, подумала вяло Ирина. А ей совсем не интересно, ей по-прежнему очень, очень больно. И так будет все время, пока она будет его видеть. Надо прогнать его. И забыть. Надо уйти в дом, а не мерзнуть на ледяном февральском ветру. И не придумывать для себя страшную кончину в петле металлической струны.

– Уходи, Богдан, – перебила она его и осторожно поднялась на ноги, не уверенная, что они ее выдержат. – Уходи и никогда больше сюда не являйся. Я не хочу тебя больше видеть. Никогда!

– Ирина... Ирина, я прошу тебя! Давай поговорим! Пожалуйста! Давай поговорим!

Он вскочил на ноги, схватил ее за локти, потянул на себя. Она начала вырываться, и они едва не упали.

– Отпусти меня! Отпусти, я стану кричать! – зашипела она яростно и ударила его кулачком в лицо.

Прямо по губам – предательским и нежным. Прямо по глазам. Потом вцепилась в его волосы – с силой, чтобы ему было больно. Уткнулась лбом в его лоб. И зашептала, давась слезами:

– Ты зачем? Зачем мне все это рассказал, Богдан? Хотел порвать со мной и не знал – как?

– Нет! Нет, милая! Я хотел, чтобы ты поняла меня и простила! Чтобы мы начали все с самого начала! Я не могу и не хочу тебе врать! – забормотал он торопливо, сбивчиво, задыхаясь.

– Ты уже... Уже это сделал! Ты врал мне все время. Врал... Уходи! Уходи, воспитывай своего ребенка и... Я не желаю тебя больше видеть! Никогда!

Кажется, он за нее цеплялся, что-то бормотал без конца и даже будто плакал. Она не помнила. Тяжелой старушечьей поступью она пошла обратно в дом, умоляя себя не упасть. Добралась до двери и не позволила ему войти.

– Это все, Богдан, – произнесла Ирина, не глядя на него. – Тебе не надо было мне об этом рассказывать.

– Я не мог! – Он крепко держал дверь за ручку, не давая ей возможности ее закрыть. – Эта дрянь начала меня шантажировать, Ирина! Она поклялась, что все расскажет тебе!

– Рассказал ты. И что поменялось?

Она наконец подняла на него глаза, все время рассматривать их обувь сделалось странно скучно.

Конечно, он переживал. И, наверное, ему было не все равно, что она сейчас уйдет насовсем. И, возможно, он жалел, что поступил с ней так подло. Сильно жалел. Но разве это могло что-то изменить?! Хоть что-то?!

– Ириша, милая. – Он вдруг начал опускаться на колени у порога, перед дверью, которую она пыталась закрыть. – Прости меня! Я не могу без тебя, понимаешь! Я так сильно люблю тебя! Ты спишь мне каждую ночь.

– Кажется, это уже было, – холодно и бесстрастно заявила Ирина.

Видеть его на коленях, сломленным, подавленным, ей неожиданно понравилось. И она даже не стала сопротивляться, когда он начал исступленно целовать ее руки. И даже решила дослушать его до конца.

– Понимаешь, вся эта ситуация, она... Она какая-то книжная! Какая-то надуманная! Я много думал... – заговорил Богдан, прижимая к своим щекам ее ладошки. – Это все было, словно по сценарию. Она вошла ко мне в доверие. Начала умело соблазнять. Потом заявила, что беременна. Шантаж... Будто кто-то водит ею! Меня не покидает мысль, что вся эта история кем-то отрететирована и...

– Что ты несешь? Ты себя слышишь? Ну, просто «Американская трагедия», черт побери! Тогда тебе надо было все скрыть, а ее убить. Чтобы не исказить творение классика.

Ирина закатила глаза. Глупая привычка. За нее ее постоянно ругала мама. Утверждала, что Ирина при этом выглядит, как покойница.

– И тогда всем бы было хорошо, – бубнила она, не отбирая у него своих рук. Он без конца целовал ее пальцы. Привычно и нежно. И ей не хотелось расставаться с этим ощущением. – Ты бы избавился от шантажистки вместе с ее нежелательной беременностью. Я бы была уверена, что ты мне верен. И летом мы бы поженились. Как собирались. Летом... И никто бы ничего не узнал. Ни я, ни папа. Господи! Я совсем забыла! Что?! Что теперь скажет папа?

Глава 7

– Да вы проходите, проходите, не стесняйтесь. Весьма странно вас видеть, но рада. Честно рада!

Племянница покойной Угаровой Веры Степановны – Угарова Генриетта Васильевна – встретила Волкова у дверей подъезда. Она только что вернулась со стадиона, по примеру тетки бегала по утрам.

– Правда, ни черта не помогает сбросить вес, – пожаловалась она, широко перед Волковым распахивая дверь своей квартиры. – Порода! Тетя Вера тоже надрывалась, а толку?

– Ну... Здорова была и крепка, – проговорил Волков, чтобы поддержать разговор.

Переступил пыльный порог и вошел в захламленную прихожую. Узкое длинное пространство было застелено грязным ковром в багрово-синих тонах. На вешалке слева вперемешку висела зимняя и летняя одежда. Грязная обувь справа вдоль стены. На тумбочке под зеркалом слой давней, местами потревоженной пыли, губная помада, съезжившиеся тюбики наполовину выдавленного крема, салфетки, какие-то журналы.

– Это не помогло ей умереть в глубокой старости, – возразила племянница.

Сбросила с ног зимние кроссовки, швырнула на вешалку легкую куртку, поочередно подняла вверх руки, понюхала подмышки, поморщилась.

– Я в душ, Александр Иванович, потом поговорим. Ждите в гостиной. Можете телевизор включить. Или... Сварите себе кофе, если желаете.

Волков желал. От телевизора проку мало, шум один. А ему хотелось подумать. Вопросы придумать, с которых он начнет говорить с шумной крупной женщиной, носящей громкое имя – Генриетта.

– Папашка – кудесник, имечком наградил! – хохотнула женщина, усаживаясь в толстом халате за стол перед чашкой кофе, который сварил и ей тоже Волков. – О-очень оригинальный был человек! Его сестрица – Вера Степановна покойная – ему под стать!

– В чем выражалась ее оригинальность? – спросил Волков, обрадовавшись, что с вопросами сама хозяйка ему помогла.

– В умении наживать врагов. – Генриетта Васильевна шумно глотнула, зажмурилась. – Вкусный кофе, сыщик! А вы молодец!

– И много у нее врагов было?

– А вот сколько вокруг нее народу ходило, – крупный палец хозяйки проплыл по воздуху, – столько и врагов. Я не стала говорить об этом следствию. Пришлось бы проверять алиби у всего города! Очень склочная была особа. Единственно, с кем ухитрялась уживаться – это со мной.

– Почему?

– Да потому что я такая же дрянь! – фыркнула Генриетта и громко расхохоталась. – Не понимаю понятия «вежливость», сыщик. Если мне хамят, хамлю в ответ. Если смотрят недобро – смотрю так же. Я и врезать могу, если на меня замахнутся! Муженек мой последний еле успел убраться из этой квартиры.

И она снова долго и громко хохотала. Волков вежливо улыбался, потягивая кофе, который оказался дорогим и великолепно помолотым.

– Так что убить ее мог всякий, – неожиданно оборвала свой смех Генриетта и уставилась на Волкова взглядом, полным тайных посылов. – Вы меня понимаете?

– Да, да, конечно, понимаю, что вы имели в виду.

– Нет, не думаю! – настырно возразила Генриетта, тряхнула мощной рыжей гривой. – Вы о врагах! А я о ее кончине! Она не могла сама! Не могла, и точка! Вы вот дело закрыли, а это убийство! Ее убили, Александр Иванович. Как вы этого не понимаете?!

– Понимаю, поэтому я и здесь, Генриетта Васильевна. – Волков допил кофе, отставил чашку, подпер щеку кулаком, поставив локоток на стол. – Мне надо знать о ней все. Ее врагов в том числе. Особенных врагов! Которые могли, по вашему мнению, ее убить. Кто?! Кто мог быть так изобретателен?! Кто мог так влиять на нее? Она же крепкая была, сильная. Чего испугалась? Почему напилась снотворного под диктовку? И полезла потом в ванну, раздевшись догола.

Угарова уставилась в кофейную чашку и долго молчала. Будто ждала, когда сформируется ответ из кофейной гущи. Затем тяжело вздохнула:

– Я не знаю. Нет никого на моей памяти, с кем бы она собачилась не на жизнь, а на смерть.

– А она ведь где-то работала? Где?

– Ой, да где она только не работала! – махнула сильной рукой племянница покойной и по примеру гостя подперла полную щеку мощным кулаком. – Она больше пары месяцев нигде не задерживалась.

– Ну да... Учитывая характер... – поддакнул Волков.

– Хотя... Хотя, знаете, было одно место, где она проработала почти пять лет, – неожиданно вспомнила женщина. – Школа! Тридцать восьмая школа! Там ее держали. Странно, конечно, но держали. Директриса считала, что с приходом тети Веры дисциплина на переменах в школе улучшилась.

– И кем же она там работала?

– Не поверите, уборщицей! – весело сверкнула темными глазищами Угарова.

– Уборщицей?!

– Да!

– И... Я не понял, каким образом она обеспечивала дисциплину на переменах?!

– У нее надо было спросить. Я не знаю никаких подробностей. Знаю, что директриса сильно сокрушалась, когда тете пришлось уволиться. А причина... – Рыжая грива снова пришла в движение, Угарова мотала головой. – Одному Богу теперь известна!

– Ну, или директрисе тридцать восьмой школы, – проговорил вполголоса Волков и засобирился.

Угарова проводила его в прихожую, села прямо на тумбочку. Прямо халатом, который казался чистым, в толстый слой пыли, прямо на скорчившиеся от использования тюбики крема. Задумавшись, наблюдала за тем, как Волков надевает шарф, потом куртку.

– В школу не ходите, – неожиданно нарушила она тишину, вдоволь насмотревшись на его сборы. – Той тетки там давно нет. И даже не знаю, жива ли она теперь, нет.

– Значит, в отдел народного образования двину. Спасибо за информацию. – Он шутливо козырнул даме. Взялся за дверную ручку.

– И туда не ходите. На Смоленской улице она жила. – Генриетта быстро продиктовала адрес. – Тетя моя с ней время от времени встречалась.

– Они были дружны?

– Не то чтобы очень. Не скажу. – Она скорчила странную физиономию, могущую выражать все, что угодно – от жалости до отвращения. – Знаете, сошлись в одиночестве две старые гадины. Сидят, выпивают, полощут люд. Я ее оттуда пару раз забирала, тетку-то. В День учителя. Надирались они в этот день знатно...

– Бывшей директрисы я по адресу не нашел, товарищ полковник, – докладывал двумя часами позже Волков.

Они сидели с полковником напротив друг друга в креслах за маленьким журнальным столиком. Полковник пожелал неформальной обстановки. И даже вызвался Волкова чаем угостить.

– И где она? Может, тоже, того, а? – Полковник выразительно чиркнул себя ребром ладони по шее.

– Нет. Жива и вполне здорова. Так соседи доложили. На даче она. Работы подготовительные проводит.

– На даче?! В феврале?! И что она там делает?

– Снег в бочки закидывает. Воду им по весне поздно дают. А она цветы рано высаживает.

Вот и...

– Понятно. С соседями дружна?

– Не со всеми. Те, что живут напротив, ее не переносят. Такая же точно история и с теми, что живут под ней и над ней. Нашел одну женщину, живет в соседнем подъезде. Тоже, кстати, из бывших педагогов. Вот она более или менее положительно отзывалась о Николаевой. Но все равно была весьма сдержанна.

– Ладно. Вернется Николаева. Никуда она не денется. Не до весны же она станет снег в бочки трамбовать! – фыркнул полковник в чашку с чаем и головой покрутил. – Придумают же! Снег в бочки! Ладно... Давай итог сегодняшнего твоего дня подведем, майор. Что конкретно тебе удалось узнать?

– Погибшая имела весьма неуживчивый нрав, – принялся перечислять майор. – Врагов, по словам племянницы, было много. Желать ее смерти, опять же с ее слов, могли через одного. Всю жизнь работала, не тунеядствовала, но нигде подолгу не задерживалась.

– И тут исключение! – поднял вверх палец полковник, поставил пустую чашку на столик. – Школа номер тридцать восемь! Там она проработала достаточно долго. И даже сошлась с директрисой на короткой ноге. И даже продолжила с ней дружить после увольнения. Чего тогда она уволилась, Волков? Все у нее там шло замечательно, она там даже негласно за дисциплину на переменах отвечала, и вдруг! Вот чудится мне, майор, что-то там кроется в этом увольнении. Какой-то подвох. Доехал бы все же до школы тридцать восемь. Не сегодня, завтра. С утра. Сегодня-то уже поздновато. А вот завтра с утра... Коллектив будет почти в полном составе. Найдешь кого постарше. И спросишь. Не могли они забыть такую эпатажную даму, как недавно преставившаяся Угарова Вера Степановна. К утреннему совещанию можешь не спешить. Твой коллега справится.

И полковник недовольно поморщился. Гришина он недолюбливал.

– Поговоришь, и сразу ко мне. Доложишь. Все, ступай, ступай, майор. Мне еще над бумагами поработать надо.

Гришин, когда Волков зашел в свой кабинет, сосредоточенно изображал занятость. Голова его то опускалась к папке с документами, то поднималась к монитору компьютера. Будто он кому-то очень медленно и методично кивал. Волкову так же медленно кивнул, даже не взглянув в его сторону.

– Все тихо, капитан? – все же спросил Волков.

– В рабочем порядке, – буркнул тот едва слышно, и снова: голова вверх, вниз, вверх, вниз.

Волков налил себе воды из чайника. Встал со стаканом у окна. В кабинете было тихо. Думалось отлично. Молчаливое присутствие Гришина не мешало. Помолчал бы он еще минут двадцать, вообще было бы отлично.

Но Гришин молчать не стал.

– По самоубийце мечешься, Саш? – как бы между прочим обронил тот уже через пару минут в спину Волкову.

– Не понял? О чем ты? – Волков не повернулся.

– Все о том же! – с удовольствием хмыкнул Гришин.

Раздался тихий хруст. Ясно, потягивается. Разминается перед долгим разговором. Волков сморщился. Ах, как не хотелось ему сейчас с ним говорить! Как хотелось тишины! И подумать.

– Тебя полдня не было. Потом сразу к полковнику. Ясно, по спецпоручению куда-то ездил! А разве мы не команда, товарищ майор? Что за тайны от коллег? – заныл Гришин, продолжая с хрустом потягиваться. – Я же понимаю, что дело официально закрыто за отсутствием состава преступления. Отчетность портить нельзя! Но мы-то с вами понимаем, что такая стерва не могла взять и утопиться, наглотавшись снотворного. Кто-то помог ей. Кто-то, кто не оставил ни единого следа. Племянница не могла. Это слон в посудной лавке. Она сюда явилась и едва турникет не снесла своей жопой. Нанимать киллера ей тоже не на что. Не тот недостаток. Да и мотива никакого особо не прослеживается. Кому тогда насолила в такой степени покойница? А? Что за тайный враг у нее имелся?

Волков настороженно молчал, делая вид, что тихонько потягивает кипяченую воду из стакана.

Гришин неплохим был сыщиком, спору нет. Человеком был гаденьким. Сыщиком был неплохим.

– А я вот что думаю, товарищ майор, – вдруг понизил голос Гришин до театрального шепота. – А вдруг убийца просто разминался в ее случае?

– В смысле?

Не выдержал, повернулся к нему Волков. Постарался смотреть бесстрастно в прищуренные хитрые глаза Гришина. Он его просто терпеть не мог за этот его прищур.

– Вдруг он тренировался? – предположил как-то очень уж уверенно Гришин.

– Хочешь сказать, что будут еще жертвы?

Ну, это-то они с полковником и без Гришина предположить смогли. Может, этот стервец каким-то образом подслушал их разговор? Или в канцелярии у него кто-то есть из своих? Помнится, когда Волков говорил с полковником, кто-то заходил с бумагами. Мог поймать обрывок разговора, слить информацию Гришину, и тот додумал.

– Я не хочу сказать, товарищ майор!

Гришин ровно сел, перестав тянуться, широко открыл глаза, глянул смело, даже с вызовом. Сейчас что-то скажет, подумал Волков. Что-то он подготовил. Не просто так разговор завел.

– Я не хочу сказать, товарищ майор, – повторил Гришин. – Я в этом уверен!

– Да ну! – насмешливо протянул Волков.

Осторожно поставил стакан на подоконник, желание грохнуть им о стену над головой Гришина было просто невыносимым.

– Откуда такая уверенность, коллега?

– Из сводок происшествий за сегодняшнее утро, товарищ майор.

И противная рожа Гришина расплылась в такой довольной ухмылке, что у Волкова тут же заныло внутри.

Что-то стряслось!

– Давай сюда!

Майор требовательно шевельнул пальцами, выдернул из рук Гришина лист бумаги, заполненный печатным шрифтом наполовину. И, не читая, пошел за свой стол. Лишь там, усевшись, он начал читать.

Так, так, так...

На стройке в соседнем микрорайоне найдено тело бездомного со следами насильственной смерти.

Это не то.

Супружеская пара, напившись, повздорила с соседями. Кто-то кому-то поранил голову пустой бутылкой.

Ерунда, не его тема.

Молодая девушка на остановке подверглась нападению. Хулиганы вырвали сумку и убежали. Были почти сразу задержаны проезжавшими мимо в патрульном автомобиле сотрудниками полиции.

Это тоже мимо.

Так, дальше...

Несчастный случай за городом. Пожилая женщина переходила дорогу и была сбита автомобилем. Умерла, не приходя в сознание. Так, так... Виновный в совершении дорожно-транспортного происшествия скрылся. Установить марку автомобиля и номерные знаки не удалось. Свидетелей не оказалось. Район дачного поселка.

Господи, нет!

– Погибшая под колесами – Николаева Нина Ивановна?! – вслух прочитал Волков и замер, боясь верить.

– Так точно, товарищ майор! – чуть не нараспев произнес Гришин. – Николаева Нина Ивановна шестидесяти восьми лет от роду. Пенсионерка. Заслуженный педагог. Долгие годы директорствовала в школе номер тридцать восемь. Кстати, в той самой, где почти пять лет проработала наша утопленница – Угарова Вера Степановна.

И Гришин, совершенно довольный собой и произведенным эффектом, вытянулся на стуле в линейку, сцепив руки на животе и поигрывая большими пальцами.

– Откуда информация, коллега? – стараясь не выглядеть удивленным, спросил Волков. – Не помню, чтобы я давал тебе задание установить бывшие контакты захлебнувшейся в собственной ванне Угаровой. Так откуда?

– Работаем, товарищ майор, – противно оскалился Гришин. – Я это почти сразу после ее смерти установил.

– Что? Установил что?

Волков тяжело посмотрел на коллегу. Установил и промолчал. Почему? Ох, не работают они! Не работают.

– Установил, что Угарова в силу своего склочного, мягко говоря, характера нигде больше двух месяцев не проработала. Иногда неделю, иногда две, реже пару месяцев. Но в школе тридцать восемь почти пять лет! И даже была дружна с директором. Странно! Детей, что ли, так любила, задался я вопросом. И решил учебное заведение навестить.

– Навестил?

– А как же!

Гришин напряжился и резко встал, тут же сунул руки в карманы брюк. От его противной расслабленности, отдающей высокомерием и снисходительностью, не осталось и следа. Он сделался предельно сдержан и деловит. И взгляд открытый, и говорит нормально, без подвоха. Таким его Волков еще согласен был терпеть.

– И что в школе?

Майор отложил в сторону листок со сводкой происшествий. Потер виски. Подступала та самая головная боль, которая могла свалить его с ног на пару дней. Не дай бог!

Он ненавидел себя в такие дни за слабость. За то, что приходилось валяться в кровати в полной темноте и тишине. Пить таблетки, послушно подставлять жене руку для инъекций. За то, что детям в такие дни не разрешалось играть и смеяться. И даже временами смотреть телевизор. Потому что им могло стать весело, и они могли рассмеяться. В такие дни его жена Аня была единственным связующим звеном со всем внешним миром. Она тихо входила в комнату, осторожно трогала его лоб губами. Потом кормила, ставила укол, заставляла выпить лекарства. И так же тихо уходила.

Нет, еще она успевала вкратце что-то рассказать. В основном это были хорошие новости. И еще он успевал поймать ее мягкий укоряющий взгляд, означавший, что он себя не жалеет

и что ему давно уже пора было сменить работу. И еще она тихонько качала головой, когда он спрашивал, не звонили ли ему с работы.

Он ненавидел себя в такие дни. Просто ненавидел!..

– Установил, что Николаева давно не работает, капитан? – Волков полез в стол, достал таблетки, предназначавшиеся для предотвращения кризиса, швырнул сразу две под язык. – Что она давно на пенсии?

– Так точно, товарищ майор.

– И?

– И еще установил, что дружба директрисы и уборщицы носила весьма странный характер.

– То есть?

– Угарова в школе была кем-то вроде жандарма, товарищ майор.

– То есть?

Во рту от таблеток разлилась острая горечь. Он с вожделием глянул на оставленный им на подоконнике стакан. Глоток воды не помешал бы. Но встать не было сил. С головной болью всегда накатывала слабость.

– Она отвечала за дисциплину. За дисциплину в школе, товарищ майор!

И Гришин – о чуде – неожиданно переставил стакан с подоконника ему на стол и тут же продолжил блуждать по кабинету, будто ничего такого и не сделал.

Волков благодарно кивнул, выпил воды и спросил:

– Что значит отвечала за дисциплину? Мне об этом и Генриетта говорила, ее племянница. Но я так и не понял. Подробнее, пожалуйста. Она что, шваброй всех гоняла на переменах?

– И не только шваброй, товарищ майор. Она могла на переменах ворваться в туалет мальчиков, подловить курильщиков и отгасить их за ухо к директору. Девочкам тоже доставалось. Дети ее боялись! Боялись больше директора! Так, во всяком случае, утверждает одна из учительниц. Она в то время только-только устроилась туда работать. И...

– Почему она уволилась, раз все было так замечательно?

– А вот тут-то и начинается кое-что интересное. – И Гришин снова сделался противным, превратив свои глаза в щелочки и сложив рот в масляную улыбку. – Поговаривают о каком-то скандале. Какое-то отвратительном случае, в котором оказалась замешана Угарова.

– Что за случай?

Волков облегченно выдохнул. Таблетки начинали действовать. Головная боль отступала. И горечь благодаря выпитой воде пропала. Может, пронесет? Может, он не свалится сном в койку? И жене Ане не придется за ним ухаживать и молчаливо упрекать за то, что он себя не жалеет ради себя, ради них всех...

– Эта училка, с которой я разговаривал, точно ничего не знает. Она, как я уже говорил, только-только на тот момент устроилась в школу работать. И даже не в этом дело.

– А в чем?

– А в том, что все тщательно скрывалось. Вообще никакой утечки информации! Вообще! Будто бы директриса – Николаева Нина Ивановна подолгу запиралась у себя с Угаровой. Они о чем-то шептались. Потом Николаева ее уволила. Все!

– Не может такого быть, Сережа. Не может!

Волков приложил к ушам ладони лодочкой. Так, чтобы по возможности перекрыть все звуки, поступающие извне. Он любил тишину. А когда она бывала полной, его душа улыбалась от удовольствия.

Тишины не получилось. Гришин принялся топтать по полу толстыми подошвами замшевых ботинок, которыми жутко гордился, утверждал, что они настоящие, фирменные. Потом громыхал стулом, усаживаясь на место. Стучал с остервенением по клавиатуре. И даже бумага в его руках, когда он принялся перелистывать какое-то дело, загремела, как стальные листы.

– Не может такого быть, капитан. – Волков поморщился и руки от ушей убрал. Тишины не будет, это он понял. – Чтобы никто ничего не знал! Знает один – не знает никто. Знают двое... Короче, это даже не правило и не примета, это закон, Сережа!

– Но, товарищ майор! Я там всех опросил! Никто ничего...

– Не может такого быть, капитан, и все тут! – Волков вытянул под столом ноги, уронил руки между коленей, уперся лбом в стол и забубнил: – Был скандал, так? Скандал не мог остаться никем не замеченным. Что-то ему предшествовало. Что?

– Я не знаю. – Гришин раскраснелся от злости, губы надул. – Все молчат. То ли не знают, то ли говорить не хотят. Откуда я знаю, что предшествовало скандалу? Я же...

– Ай, ай, ай, Сережа, – укоризненно качнул головой Волков, потершись лбом о стол. – Ты же сам несколько минут назад сказал, что был какой-то отвратительный случай. Говорил?

– Говорил.

– Вот тебе и ответ! Скандалу с увольнением Угаровой предшествовал какой-то отвратительный случай. Какой?

– Я не знаю! – возразил Гришин с обидой. – Я же сказал, товарищ майор!

– Да понял я, что не знаешь. – Волков осторожно приподнял голову, подложил под подбородок ладони, глянул задумчиво поверх головы коллеги. – Но все равно: это уже что-то. В школе что-то произошло. Что-то дикое. Из ряда вон выходящее. Что-то случилось. Что-то отвратительное. Что?

– Я не...

– Да понял я! – сердито перебил его Волков. – Я мыслю вслух, не перебивай!

– Так точно, – проворчал Гришин.

И с такой силой захлопнул картонную папку с делом, что Волкову показалось, он гвоздь в стол вбил. Принятые таблетки приглушили боль, но, кажется, невероятно обострили слух. Он глубоко вдохнул, выдохнул. И продолжил:

– Что за отвратительный случай? Что это могло быть, Гришин? Воровство? Подделка оценок в классном журнале? Или случился какой-то роман?

– Роман?

– Да, да, роман. Какая-то училка переспала с физруком, к примеру, а Угарова их застукала. А?

– Делов-то! Это не скандал! – фыркнул Гришин, сально заулыбался, заерзал, заерзал. – Там, может, весь педагогический коллектив с ним спал и...

– Вот именно, Гришин! Это не скандал. Это, конечно, некрасиво, неэтично, но не тянет на скандал, из-за которого Николаева могла уволить своего личного жандарма. И уж точно не тянет на мотив для двойного убийства.

Он проговорил это очень тихо, почти шепотом, искренне надеясь, что Гришин не услышит. Но тот услышал. Его глаза остановились на переносице Волкова. Рот приоткрылся. Спина выпрямилась, а руки замерли у горла. Ну, суслик просто какой-то, Гришин этот.

– Вы считаете, что все началось тогда?! Много лет назад?!

– Не могу утверждать, капитан. Это одно из моих предположений. Одна из версий. Угарова умерла. Выпила снотворного, полезла принимать ванну и захлебнулась благополучно. Все выглядит именно так. И не будь она боевой бабой, имеющей прямо противоположные сделанному привычки, я бы поверил. Но я точно знаю, что она никогда не принимала снотворного и прекрасно засыпала. И точно знаю, что она имела обыкновение принимать ванну утром после того, как возвращалась с пробежки. Тот, кто навестил ее в вечер ее смерти, мог не знать об этом.

– Скорее всего не знал! – покивал Гришин, все еще прижимая руки к горлу.

– А спустя какое-то время под колесами скрывшегося с места происшествия автомобиля погибает ее подруга Николаева. Все выглядит как несчастный случай. Может, так оно и было. Но... Но я не верю, капитан!

– И я тоже. – Гришин дернул кадыком, потрогал его пальцами, будто тот мог прорвать тонкую кожу шеи. – И товарищ полковник ведь не верит, так?

Волков промолчал.

Гришин тоже заткнулся. И даже не шевелился какое-то время. В кабинете повисла благодатная тишина, которую многие именуют гнетущей. Волкова она не угнетала, а расслабляла, позволяя плодотворно размышлять.

– Две подруги, замешанные в давнем отвратительном скандале, а может, и еще в чем-то, поочередно умирают. В совпадения такого рода я не верю. Их убрали, Гришин. Убрали грамотно, не оставляя следов. И повторюсь, если бы мы не знали о предпочтениях Угаровой, мы бы запросто поверили в несчастный случай. Что же теперь, капитан? Как узнать, кому помешали подруги? Новый ли скандал или старый способствовал тому, что их устранили?

– Скорее всего что-то произошло совсем недавно, – авторитетно кивнул Гришин, расслабляя спину и удобнее облакачиваясь на спинку рабочего стула. – Кто бы стал так долго ждать? Чтобы мстить? Дело-то быльем поросло, все давно забыто, и...

– А если тот, кто причастен к убийствам, на тот момент был ребенком? – снова тихо, снова скорее для себя проговорил Волков.

– А?! – Гришин вздрогнул и опять вцепился пальцами в кадык. – Как это?! Не понял!

– Что, если в скандале, результатом которого стало увольнение Угаровой, замешан был ребенок, а?

– Ребенок? Какой ребенок, не понял?! У этих двух женщин не было детей!

– Школьник, я имею в виду, капитан, школьник.

Он уже пожалел, что начал этот разговор. Да, Гришин проявил чудеса расторопности. И сведениями о трудовой деятельности Угаровой разжился, и в школе даже побывал. Но дальше – тупик. Топчется на одном месте и сойти не желает. А у него вдруг снова иссякли силы все ему разжевывать и объяснять. Одному-то куда сподручнее размышлять и принимать решения.

– Вы имеет в виду, что Угарова была замешана в скандале с учащимися? Я правильно понял?

– Да, – проговорил Волков и прикрыл глаза.

Бестолковый взгляд Гришина, его глуповатая улыбка сводили его с ума.

– Но учителям об этом ничего не известно! Они мне не сказали ничего!

– Коллектив мог и не знать, на чем спалился кто-то из учащихся. Она же о результатах своей чудовищной наблюдательности докладывала только Николаевой. А та принимала решения. Вот что сделаешь, Гришин... Съездишь в отдел народного образования, попросишь архивы. И пороешься в них.

– На предмет?

Гришин тут же прикусил губу с досады. Рыться в бумагах он страсть как не любил. Он бы лучше по городу круги нарезал на своей новой машине. Пару месяцев назад купил и еще не накатался. Старался за руль садиться при каждом удобном случае. Даже в булочную за углом на ней ездил, хотя пешком было пять минут ходу.

Он бы лучше с людьми встречался и говорил с ними. Улыбался бы им, при необходимости хмурился. Все время держал бы в руках блокнот и тонко заточенный карандаш, время от времени делая на чистых страничках бестолковые заметки. Ими он потом никогда не пользовался – заметками этими. Но народ неожиданно проникался уважением. И даже говорить опрашиваемые начинали помедленнее, будто диктовали ему.

Ему вообще нравилось производить на людей впечатление умного, властного, справедливого полицейского. Это только с Волковым не выходило никак. Тот все не хотел воспринимать

его всерьез. Все время скрытничал и ехидно улыбался. Странно, что сегодня разговорился. Может, потому, что голова снова разболелась?

– Так что я забыл в архиве, товарищ майор? – повторил вопрос Гришин.

Волков сидел напротив него с закрытыми глазами. И непонятно было: слышит он его или нет. Может, уснул?

Не спал. Медленно, цедя по слову, произнес:

– Точная дата увольнения Угаровой нам известна. Станем танцевать от нее.

Снова долгая пауза. Ровное дыхание. Волков точно будто в сон проваливался. Но странно, что говорить он начинал сразу после того, как Гришин пытался встать с места.

– Так вот, ты должен установить из архивных записей: кто из школьников на тот период перевелся из этой школы. Месяцем, неделей раньше или чуть позже. Но точно кто-то должен был из школы тридцать восемь перевестись. Не могли родители оставить там ребенка, которого в чем-то уличила Угарова.

Гришин недовольно фыркнул, но промолчал. Волков правильно понял его молчание.

– Считаешь, что это ерунда? Зря! Зря так считаешь, капитан.

– Но у нас нет оснований полагать... – недовольным голосом попытался возразить Гришин.

Волков не позволил.

– У нас есть все основания полагать, что Угарова перегнула палку в своей надзирательской деятельности. И пресекла или увидела нечто такое, что повлекло за собой чудовищный скандал. Но скандал не был обнародован. Из чего можно сделать вывод, что родители школьника были весьма влиятельными людьми на тот момент. И им удалось замять скандал, не привлекая внимания школьной общественности. Но ребенка они точно в этой школе не оставили. Это первая ниточка, Гришин. За нее стоит потянуть. А сейчас иди.

– Куда?

– Домой иди. Конец рабочего дня, капитан. Отдыхай. Завтра с утра поезжай в РОНО. И о результатах доложишь, – пробубнил указания Волков, так и не открыв глаз.

Гришин принялся нарочито громко двигать ящиками стола, хотя в этом не было никакой необходимости. Ключи от сейфа бились о дверцу, когда он ее запирает, как китовый хвост о сушу. У Волкова аж вена на виске вздулась от чудовищного грохота, которым Гришин старался его вывести из себя.

Но он всегда был крепким орешком. Он выдержит. Сейчас за капитаном закроется дверь. В кабинете станет тихо. И он наконец сложит в голове странную, казавшуюся Гришину нелепой картинку. У него всегда так бывало.

Он начинал обычно с центра. Мысленно рисовал ядро. В нем всегда располагались погибшие или выжившие пострадавшие. От ядра потом в разные стороны разбежались тонкие линии их контактов, знакомств, родства, каких-то ситуаций, случаев, незначительных происшествий. Эти линии, порой пересекающиеся между собой, порой бегущие параллельно, в конечном итоге превращались в искусную, созданную только им и только для себя паутину. И по ней Волков мысленно скользил, как паук, двигаясь то в одном, то в другом направлении...

– Что? – Он отвлекся и не услышал, о чем его спросил Гришин, вставший столбом у двери. – Что ты спросил, Сережа? Извини, задумался.

Спит небось, фыркнул мысленно Гришин. На всякого мудреца довольно простоты, вспомнилось вдруг! Можно сколько угодно делать мудрый вид и надувать щеки, в расследовании это не помогает. Уж он-то как никто об этом знал.

– Какой возраст примерно должен быть у ребенка, который перевелся в другую школу?

– Всех бери на карандаш, – ответил Волков.

И Гришин тут же напрягся. Неужели майору стало известно про его блокнот и тонко отточенный карандашик? Про его фиктивные записи?

– Но, товарищ майор, там их знаете сколько может быть! Это скорее всего кто-то из старшекласников, так ведь?

– Не факт, Сережа. Не факт.

– Почему?

– С того времени прошло почти семнадцать лет, капитан. Ребенок вырос! И вполне созрел до мести, если все эти годы вынашивал ее в душе, – обронил Волков и открыл наконец глаза и глянул на Гришина. – Помнишь, да? Про блюдо, которое подают холодным?

– Ну да, – промямлил Гришин, хотя ни черта не вспомнил, откуда это.

– Так вот, просматривай всех, включая первоклашек...

Глава 8

А сегодня она неожиданно зашла в магазин детской одежды. Свернула под вывеску «Все для новорожденных». И долго перебирала в руках крохотные, почти кукольные одежды. Рассеянно перебирала, ничего такого сопливо-умильного не испытывая. Просто трогала нежнейший батистовый конверт в кружевах, брала в руки малюсенькие носочки, ползунки и распашонки и думала...

Черт, как же все дорого! Это же сколько нужно потратить, чтобы просто забрать ребенка из родильного дома?! А потом?! Он же станет вырастать из всех тряпок. Не успеешь купить что-то, а оно уже мало!

Маша помнила, как вечно ворчала ее мать по этому поводу. Как в бешенстве кидала в ее сторону туфли перед первым сентябром, когда они оказывались Маше малы.

– Вымахала, дылда! – выдыхала мать, как казалось Маше, с ненавистью. – Что ни купишь, тут же мало! Денег не напасешься!..

Ее мать всегда бедствовала. У Маши деньги были. И немало. Но это пока! Она прекрасно знала, что если не пополнять копилку, то они очень быстро закончатся. А она сейчас безработная. И чем вообще закончится ее интересное положение, пока неизвестно. Ей, конечно, велели оставить ребенка, но не факт, что она послушается. Ей надо все очень хорошо обдумать, очень. У нее еще есть запас времени. Еще пара недель у нее имеется. Если за эти две недели ничего не изменится, обещания так и останутся обещаниями, она свою беременность прекратит. Съедет с квартиры, заберет с собой все самое необходимое. Остальное продаст. И уедет куда-нибудь подальше от всей этой истории, которая затянулась невероятно и измотала ей все нервы.

– Хотите что-нибудь еще посмотреть? – раздалось за ее спиной.

Маша обернулась. Продавец-консультант Таня умильно улыбалась, не забывая при этом настороженным взглядом ощупывать ее сумку. А не стянула ли она что-нибудь крохотное, пока торчала в этом дальнем углу.

– Нет, не хочу! – резко ответила Маша и небрежно швырнула пару малюсеньких носочков обратно на стойку. – Нечего подкрадываться ко мне, как шпион!

– Извините, но... – Девушка покраснела, осторожно покусала губу, виновато заулыбалась. – Это моя работа...

– Проехали!

Маша пошла из отдела, успев поймать свое отражение в большом зеркале у выхода.

А она ничего еще, о-го-го в какой форме! Ноги стройные, пока не превратились в оплывшие столбы, да, возможно, и не оплывут, если она все вовремя сделает. В талии прибавила всего сантиметр, она проверяла сегодня утром. Так его в этой легкой пуховой куртке и не заметно, этого сантиметра. Лицо даже нежнее стало, белее, что ли. Волосы по спине. Ей теперь не было нужды заплетать их в косу.

Мужчины на нее смотрят с интересом, она заметила. Правда, при выходе из отдела, где продавали все для новорожденных, она ни одного такого заинтересованного взгляда не поймала.

Н-да... Мать-одиночка никому не нужна...

И вдруг взяло зло. И Маша полезла в сумочку за мобильным телефоном. Набрала номер Богдана Сизова – этого уroda, из-за которого и начались в ее жизни все непредвиденные беды.

– Алло, дорогой, это я. Приве-е-ет! – фальшиво нежным голосом пропела Маша. – Знаешь, где я?

– Не имею ни малейшего желания знать, – чрезвычайно грубо отозвался Сизов, забыв поздороваться. – Что тебе нужно?

– Для начала расскажу, где я! Я только что вышла из отдела, в котором продается все для малышей. Ты не представляешь, какие там милые носочки и маечки! Я сразу представила все это на нашем малыше, Богдан!

– Прекрати фальшивить, дрянь! – просипел он с такой ненавистью, что Маша невольно отодвинула телефон от уха.

Будто его ненависть могла ее опалить. Лишить слуха. Могла заставить ее ненавидеть саму себя.

И в груди вдруг заняла неожиданная обида. Она что, прокаженная?! Она что, не способна быть матерью, он считает?! Милка глупая, и та ребенка родила от лоха какого-то Сереженьки, который втолкал свою семью в долговую яму, а теперь заставляет жену бегать по городу и побираться. Она что, хуже Милки?!

– Я не фальшивлю, милый. – Ее голос зазвенел, как если бы она собралась заплакать. – Я на самом деле покупаю детские вещи. А они жутко дорогие. И ты мне уже сегодня, а лучше прямо сейчас должен компенсировать затраты.

– Если ты забыла, то я на работе! – все так же тихо, но с тем же напором отвращения проговорил Богдан.

– Я? Я не забыла, конечно! – фыркнула Маша. Перед ней была только что открывшаяся после пятнадцатиминутного перерыва кафешка, куда она и свернула. – Я прекрасно помню, где, кем и на кого ты работаешь. И знаю не хуже тебя, что способен сделать с тобой этот дядя, узнай он о твоей подлости.

Она села за приглянувшийся ей столик неподалеку от барной стойки и тут же небрежно махнула рукой, подзывая официантку.

– О моей подлости? Ах ты, сука!

Богдан просто поперхнулся своим шепотом и какое-то время молчал. Наверняка кусает губы, подумала она с удовлетворением. И принялась тут же листать меню.

– Девушка, пожалуйста, вот этот салатик, омлет, пирожное и чайник чая, – скороговоркой сделала Маша заказ. И тут же в трубку: – Тебе заказать что-нибудь, милый?

– Да пошла ты! – взорвался он уже громко.

Видимо, вышел куда-то. В присутствии Игоря Малышко он бы не стал так повышать на нее голос. Отношения Богдана и Маши изначально были для всех тайной.

Богдан так думал...

– В общем, так, дорогой. – Маша расслабленно откинулась в удобном креслице, провела кончиком пальца по столу, было чисто. – Я в супермаркете неподалеку от того места, где когда-то работала и где все еще работаешь ты. Но это ведь всегда можно исправить, не так ли?

– Что ты хочешь?

Все, он смирился. Он по умолчанию принимает ее условия. Оно и понятно, такого места ему уже никогда не найти. Уж Сячин Иван Николаевич постарается, узнай он о скандале. Сделает все, чтобы Богдан Сизов никогда не нашел работы в их городе. Достойной работы.

– Я хочу, чтобы ты сейчас же приехал ко мне. Мы бы вместе позавтракали или пообедали, как угодно считай. И потом вместе пошли бы в отдел, где продается все для новорожденных. И накупили там всего-всего для нашего малыша. Я понятно излагаю?

– Или что?

– Или я звоню Сячину! У тебя... – Маша мысленно проложила его маршрут, сделала поправку на возможные пробки и закончила: – У тебя полчаса, чтобы добраться. Жду!

Он приехал через семнадцать минут, она засекала время. Взволнованный, бледный, немного встрепанный, но от этого не менее привлекательный. Официантки у бара тут же сделали стойку, принявшись стрелять глазенками в его сторону.

Богдан действительно был хорош. Высокий, худощавый, но не дохлый. Гибкий. Сильный. Очень темные волосы уложены в небрежной манере, словно утром, проснувшись, он просто

провел по ним пятерней. Высокие скулы, красивый рот, всегда скупой ей улыбающийся. Черные пронзительные глаза, смотревшие теперь на нее с ненавистью.

Он был одет в офисный костюм темно-синего цвета, светло-синюю рубашку, растянутая петля галстука замерла ниже второй пуговицы. Короткое серое пальто, дорогие ботинки.

Да, Богдан знал толк в одежде. Умел выглядеть. Игорь Малышко вот сколько ни старался, ничего у него не выходило. Он не умел носить дорогую одежду. А Сизову даже и напрягаться не стоило. В нем чувствовался врожденный стиль.

Ребенок мог унаследовать от него все, все, неожиданно посетила ее мысль. Стать таким же красивым, стильным, удачливым. Подавить ее ген беспородной девки.

– Что ты хочешь?

Богдан двинул ногой удобное креслице, сел от нее подальше. Пальто не снял. Пуговицу на пиджаке расстегнул с небрежным изяществом. Вытянул ноги, скрестил их в щиколотках. Пальцы рук сплел на животе, тут же принявшись большими делать круговые движения друг вокруг друга по часовой стрелке. Маша чуть не застонала вслух. Она не знала другого мужчины, который мог бы так вот запросто возбудить ее, ничего при этом совершенно не делая. Ну, просто расстегнул пиджак, просто уселся напротив, просто шевелит пальцами. Но все так гармонично в нем, так естественно.

Может, правда родить от него ребенка? Прекрасным человечком бы получился плод их неожиданных, спонтанных отношений!

– Говори внятно и быстро. У меня совершенно нет времени.

И для наглядности он продемонстрировал ей свое запястье. Где, она точно знала, у него были часы – подарок от невесты. Дорогой подарок от дорогой невесты.

Ладно...

– Сейчас я покормлю себя и твое чадо. – Маша отломилла ложечкой кусочек пирожного, положила в рот, зажмурилась. – Вкусно... Не хочешь попробовать?

– Повторяю, у меня мало времени, – прорычал Богдан.

И, упершись пятками в пол, чуть отъехал от нее в креслице, будто боялся подхватить от нее бубонную чуму или еще какую страшную заразу.

– Что тебе нужно конкретно? – спросил он, пока она доедала пирожное. – Предупреждаю сразу: выполнять твои капризы, прихоти, блажь там всякую я не намерен. Говори быстро и четко: сколько тебе нужно денег для того, чтобы избавиться от... плода...

Так и сказал, представьте! Яблоню, гад, нашел!

– Говоришь, я даю тебе денег. Ты все делаешь правильно, и мы больше не знаем друг друга.

И Богдан отвернулся от нее, принявшись нагло глазеть на официанток. Ее это, разумеется, взбесило.

– Я не собираюсь избавляться от ребенка, – с нажимом произнесла она последнее слово.

И пододвинула свое креслице так, чтобы перекрыть его взгляду всякий доступ к барной стойке. Чтобы он смотрел и видел только ее.

– Я собираюсь рожать, милый. А потом я собираюсь подать на алименты. – И Маша нежно погладила свой живот и улыбнулась Богдану – тоже старалась, чтобы нежно вышло. – Если ты, конечно же, не станешь нам помогать добровольно.

– Ты дура совершенная, Машка, да?

Богдан напряг ноги, словно собирался вскочить, и какое-то время молча рассматривал ее, будто видел впервые. А потом рассмеялся. Не ядовито, не горестно, а обычно рассмеялся, как если бы кто-то ломал тут перед ним комедию, а ему было весело.

И ей сделалось нехорошо от этого смеха. И она снова пододвинулась в креслице, чтобы быть к нему еще ближе.

– Чего ржешь, придурок ложенный?! – выпалила она и, дотянувшись, хлестнула его ладошкой по щеке. – По всем судам тебя протащу, понял! Превращу твою жизнь в кошмар! Думаешь, такой умный, да?!

– Я умный. А ты, Машка, дура! – назидательно, как взрослый дядечка, проговорил Богдан, расплел пальцы и ткнул указательным в ту сторону, где сходились ее ноги. – Думаешь, я не знаю, что я там не один побывал, а?

– Ты это о чем?!

Она отшатнулась. И почувствовала, что бледнеет. И, кажется, даже волосы у нее на затылке затрещали от напряжения.

– Я видел, Маша! Я все видел! И тебе меня больше не обмануть. Единственное, на что ты можешь рассчитывать, это на пособие для похода к врачу. Все! И оскорбленную добродетель тут передо мной не надо разыгрывать. Потому что...

– Потому что – что?!

Богдан медленно поднялся, тем же небрежным жестом вдел пуговицу на пиджаке в петлю, сделал шаг назад от столика, за которым Маша завтракала.

Она тоже поднялась, хотя с чего-то накатила дурнота и в глазах потемнело. Но это не от беременности точно. Она ее переносила прекрасно. Это от страха, наверное. Так от него бывает, она знала.

– Потому что – что?! – повторила она вопрос и тряхнула головой, пытаясь избавиться от навязчивой дурноты.

– Потому что папой твоего плода... – снова повторил он ненавистное ей слово. – Может быть кто угодно! И даже тот мужчина, с которым я едва не столкнулся, когда привозил тебе фрукты! Дрянь!

Он словно выплюнул, а не сказал. И повернулся, чтобы уйти. А она...

Она поступила, как какая-то лоховская деревенская девка из дешевого сериала, которые так обожала и обожает ее подруга Мила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.